

ЭШЕЛОН МИЛОСЕРДИЯ

ВАДИМ VAD-AIR

Евгений Борисов

Эшелон милосердия

<https://litres.ru/73216722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вчера его пальцы летали по кнопкам контроллера, принося ему титул чемпиона мира по авиасимуляторам. Сегодня эти же пальцы до белизны сжимают штурвал реального бизнес-джета. 17-летний Вадим решается на невозможное — похитить самолет, чтобы вывезти умирающую сестру в Берлин. Против него — закрытые границы и системы ПВО. Но за его спиной, в тени секретных каналов связи, разворачивается другая битва. Битва ветеранов неба, для которых старая клятва и жизнь ребенка значат больше, чем политическая целесообразность и государственные границы.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Евгений Борисов

Эшелон милосердия

Эшелон милосердия

Глава 1. Золотой эшелон

Бетонный пол под подошвами кроссовок мелко вибрировал. Это не была дрожь земли или технический сбой – это был резонанс двадцати тысяч глоток, слившихся в едином порыве там, за тяжелым звукоизолирующим занавесом.

– Слышишь? – Андрей Степанович прищурился, кивнув в сторону сцены. – Скандируют. Прямо как на футболе в старые добрые времена. Только вместо форварда у них сегодня ты, Вадик.

Вадим не ответил. Он стоял в тени огромного светодиодного пилона, который пульсировал холодным синим светом, и смотрел на свои руки. Его пальцы были длинными и тонкими, почти как у пианиста, но в них не было нервной дрожи. Напротив, они казались высеченными из серого пластика, неподвижными и готовыми к работе.

Андрей Степанович, которого все в команде «Team Aurora» называли просто Степанычем, шагнул ближе. От него пахло старой кожей, крепким табаком и чем-то неуловимо техническим – запахом, который не выветривается годами, если ты тридцать лет провел в ангарах, обслуживая Ту-154 и Ил-76. Он был здесь не просто тренером или мене-

джером. В свои пятьдесят восемь Степаныч был официальным опекуном, «взрослым в комнате», без чьей подписи Вадим не смог бы даже купить билет на рейс Москва – Сеул.

– Дай-ка руку, – негромко скомандовал старик.

Вадим молча протянул левое запястье. Степаныч накрыл его сухой, мозолистой ладонью, нащупывая пульс. Он достал из кармана старые механические часы «Полет», засекая время. Вокруг них суетились корейские техники с рациями, бегали ассистенты с микрофонами, пролетали операторы с камерами на стэдикамах, но в этом маленьком островке тени время словно загустело.

– Шестьдесят четыре, – Степаныч удивленно качнул головой и отпустил руку парня. – Ты или святой, или покойник, Вадим. Там на трибунах люди с ума сходят, призовой фонд – сто двадцать тысяч «зеленых», а у тебя пульс как у спящего кота. Ты вообще понимаешь, что сейчас произойдет?

– Я понимаю, что мне нужно зайти в четвертый разворот на скорости сто шестьдесят узлов, Степаныч, – не поднимая глаз, ответил Вадим. Голос его звучал ровно, почти монотонно. – Иначе я проскочу осевую полосы. А ветер в Кайтаке сегодня – сумасшедший.

Степаныч вздохнул. Он засунул руку в карман куртки, где лежала увесистая синяя папка. Там, под скрепками, покоилась целая гора бумаги: нотариально заверенные разрешения от родителей, страховки, справки из школы, согласие на участие в международном финале, копии виз. Весь этот бумаж-

ный забор был выстроен только для одного – чтобы семнадцатилетний подросток, которому по закону нельзя водить даже легковую машину, получил право сесть в кресло многотонного авиалайнера. Пусть и виртуального.

Степаныч на мгновение приоткрыл клапан папки, и в холодном синем свете светодиодов сверкнул уголок ярко-красной обложки. Это был школьный аттестат с отличием – «красный диплом», как его называли по старинке. Вадим закончил школу с такой легкостью, словно щелкал задачи по навигации в уме. Рядом лежали распечатки результатов ЕГЭ. Цифры там казались нереальными: 98 баллов по профильной математике, 100 – по физике.

Для любого другого это были бы просто оценки, но для Вадима они были входным билетом в небо. Всего неделю назад, запершись в своей комнате под мерный шум аппарата ИВЛ Вероники, он отправил документы в Ульяновский институт гражданской авиации. Главная летная школа страны уже прислала предварительное подтверждение: с такими баллами и титулом чемпиона по авиаспорту он проходил на бюджет первым в списке.

– Ульяновск тебя ждет, малый, – негромко проворчал Степаныч, поправляя бумаги. – Вернемся из Сеула, и сразу на ВЛЭК. Я уже договорился в медцентре гражданской авиации. С твоим здоровьем и вестибуляркой пройдешь комиссию за полдня. Врачи таких, как ты, за километр видят – настоящая «летно-подъемная сила».

Вадим едва заметно кивнул. ВЛЭК – врачебно-летная экспертная комиссия – была для него последним священным рубежом. Он берег себя как точный хронометр: ни капли алкоголя, жесткий режим тренировок, каждое утро – бег до седьмого пота. Он знал, что для будущего пилота гражданской авиации биография должна быть чистой, а сердце – работать как швейцарские часы.

Весь этот «бумажный забор» в синей папке был не просто бюрократией. Это была дорожная карта его безупречной, расписанной по минутам жизни. Он должен был стать лучшим в Ульяновске, получить четвертую полосу на погоны и возить сотни людей над облаками.

Но сейчас, поправляя перчатки, Вадим смотрел на эту папку как на документ из другой, уже почти не существующей реальности. Он понимал: если деньги за этот турнир не помогут вывезти Нику легально, ему придется совершить нечто, что превратит его «красный аттестат» в клочок бумаги, а вход в Ульяновский институт закроет для него навсегда.

– Иди, – Степаныч легонько подтолкнул его в спину. – Иди и докажи им, что Ульяновск не зря тебя ждет.

Вадим шагнул к свету, зная, что, возможно, этот выход на сцену – последнее, что он делает в качестве «образцового абитуриента».

Для корейских фанатов и организаторов турнира Вадим был «VAD-AIR» – вундеркиндом, цифровым гением, который видел небо в кодах и графиках. Но для Степаныча он

был просто мальчишкой с тяжелым взглядом, который слишком рано повзрослел.

– Ладно, – Степаныч похлопал его по плечу. – Ты только не заигрывайся в робота. Помни, что самолет, даже если он из пикселей, любит, когда его чувствуют. Он – как женщина. Если будешь грубым, он тебе это при посадке припомнит.

Вадим наконец поднял голову. В его глазах, отражавших неоновый свет арены, не было ни азарта, ни жажды славы. Там была странная, пугающая пустота. Или, возможно, предельная концентрация, которую корейские комментаторы называли «режимом убийцы».

– Он не из пикселей, Степаныч, – тихо сказал Вадим. – Для меня – нет.

Он полез в карман своей форменной куртки и достал их. Летные перчатки. Тончайшая кожа, почти прозрачная, изготовленная на заказ. Вадим надевал их медленно, тщательно расправляя каждую складку на пальцах. Этот ритуал занимал почти минуту. Сначала левая, затем правая. Он сжал кулаки, проверяя натяжение.

Эти перчатки были его интерфейсом. Его броней. Когда кожа касалась штурвала, реальный мир с его очередями в поликлиниках, запахом лекарств в комнате Вероники и бесильными слезами матери переставал существовать. Оставался только горизонт, приборы и воля к победе.

– Эй, VAD-AIR! – к ним подбежал молодой кореец в яркой жилетке с гарнитурой на голове. – One minute! One

minute to stage! Please, move!¹

Вадим кивнул. Он поправил воротник куртки, на которой золотыми нитками был вышит российский флаг и логотип спонсора.

– Давай, малый, – Степаныч отошел в сторону, освобождая путь к свету. – Сто двадцать тысяч баксов на кону. Ты же знаешь, что на них можно купить?

Вадим замер на мгновение у самого края занавеса. Он знал. О, он знал это лучше, чем кто-либо на этой арене. Он уже изучил прайсы европейских клиник, стоимость аренды реальных бизнес-джетов с медицинским модулем и цену каждой минуты жизни своей сестры. Эти деньги не были для него выигрышем. Они были выкупом.

– Я знаю, – бросил он через плечо.

Занавес раздвинулся.

Ослепительный белый свет ударил в лицо. Грохот стадиона, до этого приглушенный, обрушился на него физической волной. Двадцать тысяч человек вскочили со своих мест, когда на огромных экранах появилось его лицо и надпись: **VAD-AIR (RUSSIA) – FINALIST.**

– **VAD-AIR! VAD-AIR! VAD-AIR!** – скандировала толпа, и этот ритм казался Вадиму биением огромного, механического сердца.

Он шел по длинному подиуму, не глядя по сторонам. Девушки-модели в футуристических нарядах улыбались ему,

---

¹ – Одна минута до начала этапа! Живее! (англ.)

вспышки фотокамер слепили глаза, но он видел только центр сцены. Там, в ореоле лазеров, стояли два симулятора «Level D» – огромные кабины на гидравлических опорах, точные копии cockpits Boeing 747-8. Они возвышались над сценой, как алтари новой религии.

Вадим поднялся по ступеням. Его соперник – американец, который был старше его на пять лет, – уже сидел в соседней кабине, что-то весело обсуждая со своими техниками. Завидев Вадима, он поднял руку в приветственном жесте, но Вадим лишь коротко кивнул в ответ, не замедляя шага.

Он подошел к своей «машине». Провел рукой по холодной обшивке кабины. Здесь, под софитами Сеула, он должен был сделать то, что умел лучше всего – обмануть смерть. Пока только в симуляторе.

Степаныч, стоявший внизу у подножия сцены, смотрел, как Вадим скрывается в чреве кабины. Старый механик перекрестился – привычка, от которой он так и не смог избавиться за годы работы в авиации.

– Помоги ему, Господи, – прошептал он, хотя знал, что Вадим верит не в Бога, а в аэродинамику и точность приборов. – Ему сегодня нужно не просто победить. Ему нужно взлететь выше своего отчаяния.

Свет в зале начал гаснуть, и только два огромных экрана над сценой вспыхнули, показывая виртуальный мир, в который только что шагнул семнадцатилетний мальчишка.

Грохот Сеула смолк для Вадима. Теперь в его наушниках

был только шум ветра и далекий голос диспетчера, зовущий его в небо.

Дверь кабины закрылась с тяжелым, герметичным при-чмокиванием, мгновенно отсекая рев двадцатитысячного стадиона. Вадим остался в коконе тишины, нарушаемой лишь едва слышным шелестом вентиляторов охлаждения авионики.

Он опустился в кресло – настоящее Recaro. Гидравлическая платформа под ним едва заметно качнулась, калибруя горизонт. Вадим надел VR-шлем и мир Сеула окончательно перестал существовать.

Ночь. Гроза. Перед лобовым стеклом беспрестанно работали дворники. Он был на высоте трех тысяч футов. Самолет швыряло так, что ремни впивались в плечи.

– *Hong Kong Approach, Bravo-Alpha 747, Heavy. Positioned over Cheung Chau, three thousand feet. Requesting IGS approach for runway one-three²*, – голос Вадима в эфире звучал пугающе спокойно.

– *Bravo-Alpha 747, Hong Kong Approach³*, – отозвался диспетчер. Голос был живым, изменчивым, полным напряжения. – *Identified. Wind one-two-zero at five-five knots, gusting seven-zero. Visibility two kilometers in heavy rain. Continue for*

---

² – Гонконг-Подход, Браво-Альфа 747, тяжелый. Находимся над Ченг-Чау, три тысячи футов. Запрашиваем заход IGS на полосу один-три. (англ.)

³ – Браво-Альфа 747, это Гонконг-Подход. (англ.)

*IGS runway one-three. Report the Checkerboard in sight*⁴.

– Roger, Hong Kong. Continuing for IGS one-three. Reporting Checkerboard, Hong Kong Approach ⁵, – ответил Вадим, перехватывая штурвал поудобнее.

Он бросил взгляд на **PFD (Primary Flight Display)**. В центре – авиагоризонт, слева – лента скорости, дрожащая на 170 узлах. Справа – альтиметр, стремительно теряющий цифры. В нижней части дисплея пульсировал розовый ромб локализера – указатель курса.

Внезапно кабину озарил багровый свет. Пронзительный звук «звонка» заполнил пространство. На центральном дисплее **EICAS** выскочило сообщение: **ENG 4 FIRE**

Вадим не вздрогнул. Его пальцы мгновенно нашли рукоятку пожаротушения на оверхеде.

– *Mayday, Mayday, Mayday! Bravo-Alpha 747. Engine fire number four. Shutting down engine. Declaring emergency*⁶, – Вадим произнес это так, словно заказывал кофе.

– *Bravo-Alpha 747, Mayday acknowledged*⁷, – голос диспет-

---

⁴ – Оpoznаны. Ветер сто двадцать градусов, пятьдесят пять узлов, порывы до семидесяти. Видимость два километра, сильный ливень. Продолжайте заход по IGS на полосу один-три. Доложите установление визуального контакта с «Шахматной доской» (англ.)

⁵ – Вас понял, Гонконг. Продолжаем заход IGS на один-три. О „Шахматной доске“ доложу. (англ.)

⁶ – Мэй-дэй, Мэй-дэй, Мэй-дэй. Пожар в четвертом двигателе. Выключаю двигатель. Объявляю чрезвычайную ситуацию. (англ.)

⁷ – Bravo-Альфа 747, сигнал бедствия принял. (англ.)

вчера стал на октаву выше. – *Roger engine fire. Turn left heading zero-nine-zero for vector to final. Are you able to maintain terrain clearance?*⁸

– *Negative, Hong Kong!*⁹ – отрезал Вадим, борясь со штурвалом. – *Losing hydraulic pressure. Systems three and four out. Heavy flight controls. We are staying on the approach. Requesting emergency services on standby at runway one-three.*¹⁰

– *747, copy. You are cleared for the approach. Wind is now one-three-zero at six-zero. Be advised, extreme turbulence on short final. Good luck, Captain.*¹¹

– *Roger. 747, manual flight, switching to Tower on one-one-eight-point-seven. Out.*¹²

Вадим переключил частоту. Теперь штурвал стал «каменным». Без двух гидравлических систем 747-й превратился в раненого кита. Чтобы довернуть самолет, Вадиму приходилось наваливаться на штурвал всем весом, чувствуя, как

---

⁸ – Принял, пожар двигателя. Поворот лево, курс ноль-девять-ноль для направления на прямую. Имеете ли возможность поддерживать безопасную высоту над рельефом? (англ.)

⁹ – Нет возможности, Гонконг! (англ.)

¹⁰ – Теряем давление в гидросистеме. Третья и четвёртая системы вышли из строя. Управление крайне тяжёлое. Остаёмся на курсе захода. Запрашиваем экстренные службы в готовность у полосы один-три. (англ.)

¹¹ – 747-й, принял. Заход разрешаю. Ветер сейчас сто тридцать градусов, шестьдесят узлов. К вашему сведению: на короткой прямой экстремальная турбулентность. Удачи, командир. (англ.)

¹² – Принял. Гонконг, перехожу на ручное управление, связь с Вышкой на сто восемнадцать точка семь. Конец связи(англ.)

скрипит кожа летных перчаток.

Сквозь рваные облака проступили огни Гонконга. Ярко подсвеченная оранжевая «шахматка» на холме приближалась со скоростью ракеты.

– *Hong Kong Tower, Bravo-Alpha 747. Short final, emergency status. Engine four out, limited hydraulics,*¹³ – доложил Вадим.

– *Bravo-Alpha 747, Hong Kong Tower. Wind one-four-zero at six-five. You are cleared to land, runway one-three. Fire crews are waiting for you. Cleared to land, runway one-three.*¹⁴

Пора. «Шахматка» была уже под носом. Вадим крутанул штурвал вправо. Самолет отзывался с чудовищной задержкой. Он буквально «втискивал» гигантский лайнер в узкий створ между зданиями. Внизу, в окнах домов, можно было разглядеть телевизоры в квартирах.

– *Five hundred!*¹⁵ – выкрикнул механический голос авионики. – *Sink rate! Sink rate!*¹⁶

– *Shut up, Betty!*¹⁷, – прошептал Вадим, выравнивая крен.

– *One hundred... Fifty... Forty...*¹⁸

---

¹³ – Гонконг-Вышка, Браво-Альфа 747. Короткая прямая, аварийное положение. Четвёртый двигатель не работает, ограничена работа гидросистем. (англ.)

¹⁴ – Браво-Альфа 747, Гонконг-Вышка. Ветер сто сорок градусов, шестьдесят пять узлов. Посадку на полосу один-три разрешаю. Пожарные расчеты ждут вас. Посадка на полосу один-три разрешена. (англ.)

¹⁵ – Пятьсот! (англ.)

¹⁶ – Опасная скорость снижения! (англ.)

¹⁷ – Заткнись, Бетти! (англ.)

¹⁸ – Сто... Пятьдесят... Сорок... (англ.)

Вадим прибрал РУДы. Металл рукояток под пальцами стал обжигающим.

– *Ten... Five...*¹⁹

Удар! Гидравлическая платформа подбросила Вадима в кресле. Но он был на бетоне.

– *Reverse thrust!*²⁰ – Вадим рванул рычаги на себя.

Оставшиеся три двигателя взвыли, перенаправляя струю воздуха. Самолет затрясло в безумной вибрации. Черные воды залива Виктория приближались. Он до хруста в суставах выжал педали тормозов.

Замерли. В десяти метрах от кромки воды.

В наушниках наступила абсолютная тишина. А затем – едва слышный голос диспетчера, в котором сквозило неприкрытое восхищение:

– *Bravo-Alpha 747, that was... incredible. Vacate runway when able. Welcome to Hong Kong. You've just made history, son.*²¹

– *Roger, Hong Kong. Vacating via Alpha-Seven. Thanks for the help. 747, out.*²²

Вадим медленно стянул VR-шлем. Стерильный полу-

---

¹⁹ – Десять... Пять... (англ.)

²⁰ – Реверс! (англ.)

²¹ – Bravo-Альфа 747, это было... невероятно. Освободите полосу, когда сможете. Добро пожаловать в Гонконг. Ты только что вошел в историю, сынок. (англ.)

²² – Принял, Гонконг. Освобождаем через Альфа-Семь. Спасибо за помощь. 747-й, конец связи. (англ.)

мрак кабины вернулся. Экран перед ним вспыхнул золотом: **WORLD CHAMPION. SCORE: 99.9%**.²³

Он сидел, вцепившись в штурвал, и чувствовал, как по спине течет пот. Где-то там, за дверью, зашелся в экстазе стадион. Но Вадим слышал только одно: тихий, призрачный звук аппарата ИВЛ, который ждал его дома.

– \$120,000, – прошептал он, глядя на приборную панель.
– Вероника, слышишь? Мы купим тебе это небо.

Он отстегнул ремни. Холодный металл РУДов напоследок охлаждал ладонь. Настоящий полет еще даже не начался.

Дверь кабины симулятора открылась, и на Вадима обрушился океан. Это не был шум в привычном понимании слова – это была физическая волна звука, рожденная двадцатью тысячами глоток, которая ударила в грудь, вышибая остатки воздуха из легких.

– **VAD-AIR! VAD-AIR! VAD-AIR!**

Стадион не просто кричал, он вибрировал. Тысячи неоновых палочек в темноте трибун сливались в пульсирующее море. Вадим стоял на пороге кабины, щурясь от безжалостного света софитов. Его лицо, бледное и осунувшееся после пятнадцати минут запредельной концентрации, появилось на всех панорамных экранах арены.

К нему уже бежали операторы, едва не сбивая друг друга. Андрей Степанович, прорвавшись через кордон охраны, первым оказался рядом. Его лицо светилось такой непри-

---

²³ – ЧЕМПИОН МИРА. РЕЗУЛЬТАТ: 99.9%. (англ.)

крытой, мальчишеской радостью, какой Вадим никогда у него не видел.

– Сделал! Слышишь, малый? Ты это сделал! – Степаныч обхватил его за плечи, потрянув так, что у Вадима едва не слетели наушники. – Кайтак! В грозу! Без одного мотора! Да тебя теперь любая авиакомпания мира с руками оторвет!

Вадим кивнул, но его взгляд оставался прикованным к центру сцены. Там двое корейцев в строгих костюмах уже разворачивали огромный, глянцевый прямоугольник пластика. Цифры на нем слепили: \$120,000.

Его вывели на середину подиума. Девушки в костюмах стюардесс будущего осыпали его золотым конфетти. Оно липло к потной коже, путалось в волосах, блестело на ресницах. Вадиму передали уменьшенную копию чека для банка. Он оказался неожиданно тяжелым, этот кусок пластика. «Сто двадцать тысяч, – билось в голове в такт пульсу. – Теперь я смогу оплатить лечение и реабилитацию в Германии. Теперь у нас есть всё, чтобы Ника выжила. Никто больше не скажет, что это слишком дорого».

Вспышки камер превратили реальность в серию застывших кадров. Улыбающийся Степаныч. Ведущий, что-то восторженно кричащий в микрофон на корейском и английском. Золотой кубок, который кто-то вложил ему в другую руку.

– Интервью! Вадим, одно слово для канала EBS! – кричал кто-то снизу.

– Извините, – Вадим внезапно отстранился от микрофона. – Мне нужно... мне нужно позвонить.

Он буквально протаранил толпу организаторов, игнорируя протестующие крики. Степаныч, мгновенно уловив смену настроения, прикрыл его собой, оттесняя настырных репортеров.

– Дайте парню вздохнуть! Отойдите!

Вадим нырнул в технический коридор за сценой. Здесь звук стадиона мгновенно просел, превратившись в глухой, утробный гул, похожий на работу гигантской турбины где-то глубоко под землей. В этом сером бетонном пространстве пахло пылью и нагретыми кабелями.

Он достал смартфон. Пальцы в летных перчатках плохо слушались сенсора, и он рывком стащил их, бросив прямо на пол. Кожа на руках была влажной.

«Мама». Вызов.

В Сеуле была глубокая ночь, в Калининграде – десять вечера. Самое время, когда Веронике обычно становилось хуже. Вадим прижал трубку к уху, глядя на свои кроссовки, испачканные золотой пылью стадиона.

Один гудок. Второй.

– Алло? – голос матери прозвучал так тихо, что Вадим сначала подумал, что связь обрывается.

– Мам! – Вадим не узнал свой голос, он сорвался на хрип. – Мам, я победил. Слышишь? У нас есть деньги. Сто двадцать тысяч, мам! Теперь я смогу оплатить лечение и реабили-

литацию в Германии. Я завтра же всё переведу, мы найдем способ, мы вывезем её...

Он замолчал, ожидая её радости, но на другом конце провода повисла тишина. Это была не просто тишина. Это был вакуум. Вадим кожей почувствовал, как через тысячи километров в его ухо вливается холод той маленькой комнаты, где пахнет хлоркой и безнадежностью. Единственным звуком было мерное, механическое «пшшш-вдох... пшшш-выдох».

Аппарат ИВЛ. Ритм, который стал пульсом их семьи.

– Мам? Почему ты молчишь?

– Вадик... – её голос был сухим, как осенний лист. – Пришел ответ. Официальный. Из министерства и от страховой.

Вадим замер. Гул стадиона за стеной на мгновение показался ему звуком падающего самолета.

– И что? У нас теперь есть деньги, мам!

– Они отказали не из-за денег, сынок, – она всхлипнула. – Сказали – сейчас слишком тяжелое время и сложная геополитическая обстановка в стране. Небо закрыто для всех невоенных перелетов в нашем секторе. Ни один немецкий борт не пустят в область, а наши не могут вылететь. Сказали, что в текущей ситуации транспортировка «невозможна по соображениям национальной безопасности».

Вадим почувствовал, как бетонный пол под ногами начинает плыть.

– Как это – национальная безопасность? – прошептал он.

– Она же просто ребенок. Она умирает!

– Нам предложили паллиатив, Вадик. Сказали – «обеспечьте уход». Врач сегодня заходил... он не смотрел мне в глаза. Сказал, что с такой динамикой у нас осталось два, может, три дня. Кислородный концентратор уже не справляется.

– Мам, подожди. Я сейчас... я что-нибудь придумаю...

– Вадичка, возвращайся просто, чтобы попрощаться, – голос матери сорвался в беззвучный плач. – Не нужно никакой Германии. Просто приедь. Пожалуйста.

Связь оборвалась.

Вадим медленно опустил руку с телефоном. В тишине коридора он слышал, как в его собственной голове продолжает звучать это механическое: *вдох... выдох...*

Он посмотрел на чек в своей руке. Сто двадцать тысяч долларов. Теперь это были просто цифры на бумаге. Мир за окном превратился в крепость с высокими стенами, и никакие деньги не могли пробить в этих стенах брешь.

Внезапно он почувствовал тошноту. Все эти годы он учился летать в мире, где всё подчинялось законам физики. Если ты всё делаешь правильно – ты побеждаешь. Но реальный мир не был симулятором. В реальном мире на пути самолета стояли не горы, а «геополитическая обстановка».

Вадим замахнулся и с силой швырнул кубок об стену. Желтый металл с противным звоном отлетел в сторону.

– Вадик? Ты чего? – в коридор заглянул Степаныч, его

лицо мгновенно стало серым. – Что случилось? Мать?

Вадим поднял на него глаза. В них больше не было пустоты. В них горела холодная, расчетливая ярость – та самая, что помогала ему держать глиссаду без одного мотора.

– Они не дадут борт, Степаныч», – сказал он. – Сказали, обстановка сложная. Небо закрыто.

Степаныч опустил голову, тяжело вздохнув.

– Суки... – выдохнул старик. – Что ж теперь делать-то, Вадик?

Вадим наклонился и поднял свои летные перчатки. Медленно, бережно стряхнул с них пыль.

– Вы говорили, что в «Майском» стоит тот «Пилатус»? Белый, с синей полосой? Тот, что к вылету готов?

Степаныч нахмурился, не понимая, к чему он клонит. – Ну, стоит. Хозяин его там бросил, счета арестовали... А тебе-то что?

Вадим надел правую перчатку и затянул ремешок на запястье. Характерный хруст кожи прозвучал в тишине коридора как выстрел.

– Степаныч, вы когда-то учили меня, что в авиации нет слова «невозможно». Есть слово «плохо рассчитано».

Он посмотрел на свои руки – руки, которые только что посадили 747-й без гидравлики и двигателя.

– Мне не нужно их разрешение, чтобы войти в их небо.

– Вадим, ты что несешь? – Степаныч сделал шаг к нему, его голос задрожал от страха. – Это тюрьма. Это... это же

реальный самолет, малый! Это не кнопки нажимать! Тебя собьют раньше, чем ты до границы долетишь! Сейчас время такое, никто разбираться не будет!

Вадим прошел мимо него, направляясь к выходу, где всё еще ревел стадион. Он шел уверенно, и золотое конфетти осыпалось с его плеч, как ненужная шелуха.

– У меня есть два дня, Степаныч, – бросил он, не оборачиваясь. – Либо я сяду в тюрьму, но она будет дышать, либо мы погибнем все. Других вариантов в моем чек-листе нет.

Он вышел на свет, и рев двадцатитысячной толпы снова ударил по нему. Но теперь этот звук больше не пугал его. Теперь это был шум двигателей, которые он собирался украсть.

Глава 2. Физика отчаяния

Гул двигателей Airbus A350 на эшелоне тридцать шесть тысяч футов был едва слышным, благородным шепотом. В бизнес-классе пахло дорогим парфюмом, свежемолотым кофе и тем специфическим ароматом идеальной чистоты, который бывает только в салонах стоимостью в несколько миллионов долларов.

Вадим полулежал в широком кресле, обтянутом кремовой кожей. Перед ним на подставке стоял бокал яблочного сока, в котором медленно таял кубик льда. Если бы кто-то посмотрел на него со стороны, он увидел бы типичного представителя «нового поколения»: худощавый подросток в брендовом худи, в наушниках с шумоподавлением, полностью по-

груженный в экран своего iPad.

Но Вадим не смотрел «Мстителей» и не листал ленту соцсетей, где его никнейм «VAD-AIR» сейчас штурмовал мировые тренды. На экране планшета в режиме «split view» были открыты два документа: схема электросистемы самолета **Pilatus PC-12NGX** и детальная спутниковая карта аэродрома «Майский».

«Section 7: Airplane and Systems Description. Electrical System»²⁴, – читал он, и каждое слово впечатывалось в память, словно код новой игры.

Он знал, что в симуляторе запуск двигателя – это последовательность нажатий: «Battery 1 – ON», «Battery 2 – ON», «Fuel Pump – ON», «Starter – ENGAGE». Но реальное руководство по летной эксплуатации (РОН) говорило о другом. Оно говорило о напряжении в двадцать четыре вольта, о критической температуре межтурбинного пространства (ИТТ), которая при «жарке» старте может за секунды превратить двигатель ценой в миллион долларов в грудку оплавленного металла.

Вадим закрыл глаза. В темноте под веками он видел не салон бизнес-класса, а приборную панель **Honeywell Primus Apex**. Три больших дисплея. Он представлял, как его палец касается тумблера «Essential Bus». Он почти чувствовал сопротивление переключателя. В симуляторе не было сопротивления. В симуляторе не было ответственности за то, что

---

²⁴ «Раздел 7: Описание самолета и систем. Электрическая система». (англ.)

аккумуляторы могут сесть раньше, чем турбина выйдет на режим малого газа.

– Еще сока, мистер Вадим? – тихий, певучий голос стюардессы заставил его вздрогнуть.

Он поднял взгляд. Молодая корейка улыбалась ему с той искренней теплотой, которая предназначалась только для победителей.

– Вы – гордость своей страны, – добавила она по-английски, чуть поклонившись. – Мы все смотрели финал в комнате отдыха. Ваша посадка в Кайтаке... это было чудо.

– Спасибо, – коротко ответил Вадим, стараясь, чтобы его голос не дрожал.

Чудо. Она сказала «чудо». Но в небе над Калининградом чудес не будет. Там будет физика, радары и ограниченный запас кислорода в баллоне Вероники.

Стюардесса отошла, а Вадим почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Ему хотелось закричать, что он не герой, что он – вор, который еще не украл, но уже всё рассчитал. Что его «золотой» чек на сто двадцать тысяч долларов сейчас лежит во внутреннем кармане куртки, и это – самая бесполезная вещь в этом самолете.

Он снова уткнулся в планшет.

«Внимание: Если ИТТ превышает 1000°C во время запуска, немедленно переведите рычаг управления двигателем в положение CUT-OFF».

«Тысяча градусов», – подумал Вадим. – «Всего одна

ошибка в тайминге, и всё закончится, не успев начаться».

Андрей Степанович спал через проход. Старый бортмеханик даже во сне выглядел суровым: брови сдвинуты, тяжелые руки сложены на груди. Он вез Вадима домой, как ценный груз, как чемпиона, которому теперь открыты все дороги. Степаныч не знал, что для Вадима все дороги уже схлопнулись в одну узкую полосу – ту самую, в «Майском», заросшую травой по краям.

Вадим открыл заметки и начал набрасывать чек-лист. Свой собственный. Не для соревнований.

Снять заглушки (двигатель, Пито, статика) – 2 минуты.

Отсоединить внешнее питание (если подключено) – 1 минута.

Загрузка носилок (через грузовой люк) – 5-7 минут.

Запуск по процедуре «Battery Start Only» – 3 минуты.

Выруливание без огней – 4 минуты.

Итого: пятнадцать минут от момента проникновения на территорию до отрыва. Пятнадцать минут, за которые его жизнь превратится из триумфа в международный скандал.

Он переключился на карту Калининградской области. Красные зоны запретов на полеты (NFZ) покрывали почти всю территорию региона. «Сложная обстановка». «Особый режим». Для системы Вероника была лишь точкой на карте, которая должна была погаснуть согласно протоколу безопасности.

Вадим почувствовал, как его пальцы сжали края планшета. Вчера в Сеуле он боялся проиграть американцу. Сегодня он понял, что его настоящий соперник – не геймер из Огайо, а вся эта неповоротливая, холодная машина государства, которая закрыла небо над его сестрой.

«Вы говорите, что небо закрыто?» – подумал он, глядя в иллюминатор, где в предрассветных сумерках блестела обшивка крыла А350. – «Хорошо. Тогда я открою его сам».

Он снова открыл раздел «Электросистема». Ему нужно было знать, как запитать авионику, не включая основные потребители, чтобы самолет не светился на стоянке как новогодняя елка.

В этот момент самолет слегка качнуло – мы вошли в зону турбулентности. Вадим автоматически взглянул на экран в спинке переднего кресла, где отображались параметры полета. Скорость: 910 км/ч. Высота: 11 000 метров. В симуляторе он бы просто следил за цифрами. Здесь он почувствовал, как его тело наливается тяжестью, как вибрирует пол под ногами. Это была **реальная** масса. **Реальная** инерция.

Он понял, что «Пилатус» будет ощущаться совсем иначе, чем джойстик с обратной связью. В его руках будет полторы тысячи лошадиных сил и пять тонн металла. И если он не справится с этим весом, он убьет не только себя, но и мать с Никой.

– Вадик, не спишь? – голос Степаныча был хриплым после сна.

Вадим мгновенно свернул PDF-файл, открыв первую попавшуюся игру-головоломку.

– Не сплю, Степаныч. Мысли всякие. – Понимаю, – старик потянулся, хрустнув суставами. – Ты это... чек-то припрятать подальше. В Шереметьево на пересадке таможня может привязаться, хоть и выигрыш, а сумма большая. Прилетим в Калининград – сразу в банк. Положим под процент, а там глядишь и с небом прояснится. Месяц-другой – и отправим твою Нику в Берлин как королеву.

Вадим посмотрел на Степаныча. В глазах старика была надежда. Искренняя, добрая надежда человека, который верит в правила.

– Да, Степаныч. Месяц-другой, – тихо повторил Вадим, чувствуя, как внутри всё выгорает от этой лжи. – Как королеву.

Он знал, что через два часа они приземлятся в Москве, а еще через пять – в Калининграде. И тогда начнется обратный отсчет, в котором не будет места надеждам. Только расчет. Только скорость. Только полет.

Когда «Боинг» начал снижение над областью, небо окончательно потеряло цвет. Оно не было ни синим, ни даже серым – это была плотная, вязкая субстанция цвета грязной ваты, которая словно придавливала самолет к бурым полям и черным пятнам лесов. Вадим смотрел в иллюминатор, прижавшись лбом к холодному пластику.

Где-то там, под этим слоем облаков, лежал его дом. Кло-

чок земли, зажатый между границами, которые внезапно превратились в непреодолимые стены.

– Подходим к точке входа в коридор, – пробормотал Андрей Степанович, не открывая глаз. Он чувствовал полет кожей, как старый прибор. – Сейчас увидишь «почетный караул».

Вадим не сразу понял, о чем он. Но через минуту облака на мгновение разошлись, и он увидел их. Пара Су-30СМ шла чуть ниже и правее. Хищные обводы крыльев и тусклый блеск ракет под фюзеляжем казались нереальными на фоне бесконечной равнины. Истребители не просто летели рядом – они конвоировали гражданский борт, словно охраняя драгоценный груз в опасной зоне. Или следя, чтобы он не отклонился ни на градус от единственной разрешенной нити, связывающей этот анклав с «большой землей».

– Только Москва, – тихо сказал Степаныч, глядя в окно через плечо Вадима. – Один тонкий мостик остался. Вправо-влево – небо закрыто на замок. Железный.

Касание в аэропорту Храброво было жестким. Пилот словно торопился поскорее прижать машину к бетону, подальше от беспокойного воздуха. Когда самолет свернул на рулежную дорожку, Вадим замер.

Перрон Храброво, который он помнил ярким и светлым, теперь напоминал военную базу. Справа, у дальних ангаров, выстроились в ряд тяжелые транспортники – серые туши Ил-76 и приземистые Ан-12. На их хвостах не было

логотипов авиакомпаний, только тусклые звезды и бортовые номера. Техники в камуфляже суетились под крыльями, заправляя машины прямо из топливозаправщиков. Между ними, как мелкие птицы среди слонов, жались несколько «Суперджетов» авиакомпании «Россия».

Ощущение «осажденной крепости» было почти физическим. Оно проникало в салон вместе с запахом керосина и сырым, пронизывающим ветром, когда открыли двери.

Внутри терминала царила странная, гнетущая тишина. Огромное табло вылетов, которое раньше пестрело названиями европейских столиц – Берлин, Варшава, Рига – теперь выглядело сиротливо. **МОСКВА (ШЕРЕМЕТЬЕВО) – ВЫЛЕТЕЛ МОСКВА (ДОМОДЕДОВО) – РЕГИСТРАЦИЯ МОСКВА (ВНУКОВО) – ПО РАСПИСАНИЮ**

Остальные строки были либо пустыми, либо светились холодным красным: **ОТМЕНЕН**. Авиасообщение было разрешено только с Москвой – единственной артерией, по которой еще текла жизнь. Гданьск, до которого отсюда было полтора часа на машине, теперь казался другой планетой, до которой невозможно дотянуться.

Они вышли из здания аэропорта. Ветер тут же сорвал со Степаныча кепку, и старик едва успел её поймать. Хмурое небо висело так низко, что казалось, будто верхушки осветительных мачт вонзаются прямо в него.

– Ну вот мы и дома, малый, – Степаныч поежился, запахивая куртку. Он посмотрел на Вадима. Тот стоял неподвиж-

но, закинув рюкзак на одно плечо. В руке он всё еще сжимал ту самую синюю папку с документами и свернутые летные перчатки.

Степаныч подошел к Вадиму вплотную и положил руку ему на плечо. Его пальцы, привыкшие к металлу и маслу, заметно подрагивали.

– Вадик, послушай меня, – начал он тихим, надтреснутым голосом. – Я видел твое лицо в самолете. Я видел, что ты читал в планшете. Ты не в игрушки играл, я же не дурак.

Вадим медленно перевел взгляд на Степаныча. Его глаза были сухими и холодными, как лед на взлетной полосе.

– Вы о чем, Степаныч?

– О том, что ты в Сеуле наговорил! – Степаныч сорвался на шепот, испуганно оглянувшись на патруль у входа. – Про «Майский», про «Пилатус» ... Вадик, сынок, опомнись. Это там, в Корее, под софитами, всё казалось простым. Там ты был звездой. А тут – ты посмотри вокруг! – он обвел рукой серую площадь и военных. – Тут не симулятор. Тут за «несанкционированный взлет» никто кнопку «Restart» не нажмет. Снимут с неба раньше, чем ты шасси уберешь. В лучшем случае – тюрьма на всю жизнь. В худшем... ты сам понимаешь. Сейчас время такое, никто разбираться не будет, кто ты и зачем летишь.

Вадим молчал. Он смотрел, как капля дождя ползет по глянцевому логотипу на его рюкзаке.

– Вадик, спрячь перчатки, – Степаныч кивнул на его руку.

– Спрячь и не доставай. И из головы это выброси. Это у тебя аффект, шок от победы, от новостей... Это пройдет. Переспишь ночь, успокоишься. Мы что-нибудь придумаем. Может, через Москву добьемся рейса, может, спецразрешение выьем... У тебя теперь сто двадцать тысяч на счету, связи найдем... Это пройдет, слышишь?

Вадим наконец заговорил. Его голос был удивительно спокойным, лишенным всяких эмоций, что напугало Степаныча еще больше, чем если бы парень начал орать.

– Не пройдет, Степаныч.

Он поднял руку и посмотрел на свои перчатки из тонкой кожи. Вчера они были символом триумфа. Сегодня они стали его единственным шансом.

– Вы сами видели табло. Небо закрыто. Для всех, кроме них. А у Ники нет времени ждать, пока мы будем обивать пороги в Москве. У нее нет «месяца-другого», чтобы у них там «прояснилась обстановка».

– Вадим, ты погубишь и её, и мать, и себя! – Степаныч вцепился в его куртку. – Ты хоть понимаешь, что такое реальный полет в таких условиях? Ты не диспетчеру будешь отвечать, а зенитной ракете!

Вадим аккуратно, но твердо убрал руку старика. Он шагнул к подъехавшему желтому такси.

– Не пройдет, Степаныч, – повторил он, открывая дверь. – Время не ждет. Физика простая: либо я взлечу, либо она перестанет дышать. Я всё рассчитал.

– Вадик! – крикнул Степаныч ему вдогонку, но парень уже сел в машину.

Такси тронулось, обдав старика облаком выхлопных газов. Степаныч остался стоять на пустой площади под низким, давящим небом. Он смотрел вслед удаляющимся огням и чувствовал, как внутри него растёт ледяной ком. Он знал Вадима. Знал, что этот мальчишка не блефует. В его мире, мире цифровой точности и безупречных расчетов, не было места страху – только алгоритмам.

А алгоритм Вадима сейчас вел его напрямиком к катастрофе.

Степаныч посмотрел на свои руки. Они всё еще дрожали. – Господи, – прошептал старый механик. – Сделай так, чтобы у него ничего не получилось.

Он не знал, какая из этих просьб была страшнее: чтобы Вадим провалился и остался жив, или чтобы он совершил невозможное.

Вадим же, сидя на заднем сиденье такси, не смотрел на город. Он открыл планшет. На экране светилась спутниковая карта аэродрома «Майский». Он увеличил изображение белого самолета, стоящего у края ВПП.

«Расход топлива на прогрев – 40 фунтов. На руление – 20. Взлетный режим – 500 фунтов в час...» – цифры бежали в его голове, вытесняя всё остальное. Город под замком остался снаружи. Вадим уже был в кабине.

Подъезд встретил Вадима привычным запахом сырой

штукатурки и подгоревшего лука из соседней квартиры. Здесь ничего не изменилось за время его отсутствия. Те же надписи на стенах, та же тусклая лампочка на втором этаже, мигающая в агонии. Весь блеск Сеула, пятизвездочные отели и кожаные кресла бизнес-класса казались теперь галлюцинацией, сбоем в текстурах реальности.

Он остановился перед своей дверью. В кармане куртки лежал банковский чек на сто двадцать тысяч долларов – бумажка, способная купить небольшой автопарк или пару квартир в этом самом доме. Вадим коснулся пальцами металла ключей, но не спешил их доставать. Он прижался ухом к обитой дерматином двери.

Тишины не было.

Сквозь щели просачивался звук, который за последние полгода стал метрономом их жизни. *Пишии-вых... Пишии-вых...* Тяжелое, ритмичное шипение кислородного концентратора. Это не был звук дыхания живого человека; это был звук работающего насоса, который отчаянно пытался выкачать из разреженного комнатного воздуха крупички жизни.

Вадим повернул ключ.

В прихожей было темно. Мать не вышла навстречу – видимо, задремала в кресле у кровати Вероники или просто не нашла в себе сил подняться. Вадим скинул кроссовки, стараясь не шуметь, но пол предательски скрипнул.

– Вадик? – голос матери из глубины квартиры звучал так,

будто она говорила из колодца. Сухой, надтреснутый шепот.
– Я, мам.

Он прошел на кухню, где за столом сидел человек в белом халате, наброшенном поверх свитера. Это был доктор Левин, лечащий врач Вероники из областной детской клинической больницы. На столе перед ним стояла нетронутая чашка остывшего чая и лежала папка с результатами последних анализов.

– С возвращением, чемпион, – Левин грустно улыбнулся, кивнув на телевизор, который стоял на холодильнике. Там всё еще крутили новости с кадрами из Сеула. – Мы все за тебя болели. Ты большой молодец.

– Как она? – Вадим сел напротив, не снимая куртки. Ему было плевать на поздравления с победой в Сеуле.

Левин вздохнул и снял очки. Взгляд его был тяжелым. – Динамика критическая, Вадим. Мы имеем дело с облитерирующим бронхиолитом. Полгода назад, после той тяжелой аденовирусной пневмонии, мы надеялись, что ткани восстановятся. Но процесс пошел по самому страшному сценарию. Организм начал «замуровывать» мелкие бронхи. То, что должно проводить воздух, превращается в плотную рубцовую ткань.

– Но у нас есть подтверждение! – Вадим рывком достал из рюкзака распечатку письма из «Шарите». – Вот, смотрите. Они готовы принять её. Пишут, что у них есть опыт, что можно остановить фиброз, пока остались здоровые участ-

ки...

– Я знаю, Вадим, – мягко прервал его врач. – Я сам помогал твоей матери готовить этот запрос. Но пойми: легкие Вероники сейчас – это поле боя, на котором заканчиваются патроны. Сатурация в покое едва держится на 85%, а при малейшем движении падает до 70%. Она уже не справляется сама. Мы перевели её на ИВЛ не потому, что она не хочет дышать, а потому, что её легкие стали слишком «жесткими».

Левин накрыл руку Вадима своей ладонью. Она была сухой и холодной. – Шанс есть только один. Срочная транспортировка в специализированный центр пульмонологии. Там её либо смогут стабилизировать на высокопоточных установках, либо – и я должен быть честен – немедленно внесут в лист ожидания на пересадку легких. У нас остались считанные дни, прежде чем рубцевание станет тотальным.

– Так в чем проблема?! – голос Вадима сорвался. – Деньги есть! Я сегодня же переведу...

– Проблема не в деньгах, парень. Проблема в физике и политике. Чтобы довести её живой, нужен реанимационный борт – герметичная кабина, где можно поддерживать избыточное давление и непрерывную подачу чистого кислорода под контролем аппаратуры. Обычный самолет её убьет: на высоте давление падает, и те крохи легких, что еще работают, просто «схлопнутся».

Врач горько усмехнулся и кивнул в сторону окна, за которым окончательно проснулся и шагал новый день. – А об-

ласть в кольцо. Я звонил в санавиацию, звонил в министерство. Немецкая санитарная авиация не получает разрешение на вход в наше небо из-за «особого режима». А наши борты... один в ремонте, другой на спецзадании. Мне прямо сказали: «Доктор, не ищите приключений, сейчас не до гражданских перевозок, обстановка сложная».

Вадим почувствовал, как внутри него что-то с треском лопнуло. Это была та самая «справедливость», в которую он верил, заучивая правила полетов.

– Значит, вы просто дадите ей задохнуться из-за «обстановки»? Из-за того, что её бронхи решили превратиться в шрамы в «неудачное время»?

– Я врач, Вадим, – Левин отвел взгляд. – Я могу подкрутить настройки на концентраторе, могу вколоть стероиды, чтобы замедлить отек. Но я не могу пробить дыру в закрытом небе.

Вадим встал. Он больше не слушал. В его голове, привыкшей к четким алгоритмам, сложилась окончательная схема. Облитерирующий бронхиолит – это засор в системе. «Сложная обстановка» – это ошибка в коде диспетчерской службы. А он – единственный, кто знает, как запустить этот двигатель вручную.

Вадим вышел из кухни. Ему нужно было увидеть её.

Дверь в комнату сестры была приоткрыта. Воздух здесь был тяжелым, сжатым, пропитанным запахом спирта, эвкалипта и какой-то сладковатой химии. Кислородный концен-

тратор, стоящий в углу, гудел, как маленький завод.

Вероника лежала на высоких подушках. В свои двенадцать она выглядела на десять – хрупкая, почти прозрачная фигурка, затерянная в складках огромного одеяла. Ее кожа была пугающе белой, почти алебастровой, а на кончиках пальцев, сжимавших край простыни, отчетливо проступала синева. Гипоксия – кислородное голодание – медленно закрашивала её жизнь в холодные тона.

Её грудь двигалась часто и мелко. Каждый вдох был битвой. На лице была маска, соединенная прозрачной трубкой с гудящим прибором.

– Вадька... – прошептала она, не открывая глаз. Она узнала его по шагам.

Он подошел и сел на край кровати. Мать, сидевшая на стуле в углу, лишь молча кивнула ему, вытирая глаза краем платка. В её взгляде не было радости от его возвращения, только бесконечная, выжженная усталость.

– Привет, кнопка, – Вадим взял её руку. Она была такой тонкой, что он боялся сломать её случайным нажатием. Кожа была сухой и горячей.

Вероника открыла глаза. Огромные, когда-то яркие, теперь они казались подернутыми туманом. Она перевела взгляд на тумбочку. – Где он? – спросила она сквозь маску.

Вадим достал из рюкзака тяжелую коробку. Он вынул кубок – массивную чашу из полированного золота, вершину киберспортивного Олимпа. Он поставил его на тумбочку, и

золото ярко вспыхнуло в тусклом свете ночника.

Контраст был невыносимым, почти кошмарным. Сверкающая награда мирового чемпиона соседствовала с эмалированной медицинской уткой, горой использованных спиртовых салфеток и россыпью шприцев в пластиковом лотке. Золото за сто двадцать тысяч долларов на фоне нищеты и смерти.

– Красивый... – Вероника попыталась улыбнуться, но уголки губ лишь дрогнули. – Ты правда... самый лучший пилот в мире?

– Правда, – ответил Вадим, сглатывая комок в горле. – Самый лучший.

– Значит... ты сможешь меня отвезти? – она посмотрела на него с такой надеждой, от которой у Вадима похолодело затылок. – Мама говорит, что небо закрыто. Что там... тучи. Но ты же летаешь сквозь тучи, Вадь? Ты же всегда находишь дорогу?

Вадим посмотрел на её синеватые ногти. Посмотрел на маму, которая закрыла лицо руками. Он слышал ритмичное *Пишиш-вых... Пишиш-вых...*, и этот звук теперь казался ему тиканьем часового механизма на бомбе.

В этот момент он окончательно понял: он не «плохой парень». Он не преступник. Он просто единственный человек в этом городе, в этой стране, в этом закрытом небе, который может сделать то, что положено. Если законы людей запрещают сестре дышать, значит, эти законы не имеют физиче-

ского смысла.

– Да, Ника, – сказал он, и его голос был таким же твердым, как при заходе на посадку в Гонконге. – Я найду дорогу. Тучи скоро разойдутся.

– Обещаешь?

– Даю слово пилота.

Он поднялся и вышел из комнаты, не глядя на мать. В прихожей он столкнулся с Левиным, который уже собирался уходить.

– Вадим, – врач придержал его за локоть. – Не делай глупостей. Твои деньги... они пригодятся матери потом. Жизнь жестока, но...

Вадим медленно убрал его руку. – Доктор, вы знаете, что такое «V1» в авиации?

Левин непонимающе нахмурился. – Нет.

– Это скорость принятия решения. После нее ты уже не можешь нажать на тормоза. Даже если горит двигатель, ты обязан взлететь. Иначе самолет просто выкатится с полосы и взорвется.

Вадим посмотрел на закрытую дверь комнаты Вероники, за которой продолжало шипеть проклятое устройство.

– Моя скорость – V1. Я уже не нажимаю на тормоза.

Когда дверь за врачом закрылась, Вадим зашел в свою комнату. Он сел за компьютер, но не включил его. Он просто сидел, слушая ритм угасания за стеной.

В его голове уже не было сомнений. Перед глазами стояла

только кабина «Пилатуса» и маршрутная карта до Берлина. Он знал, что сегодня он возьмет велосипед и отправится в «Майский».

Несправедливость мира больше не имела над ним власти. Теперь власть была только у аэродинамики.

На кухне пахло старой заваркой и лекарствами – этот запах теперь, кажется, вьелся даже в бетонные стены хрущевки. Вадим вошел и сел на табурет, упираясь локтями в столешницу, иссеченную следами от ножа. Мать стояла у окна, глядя на дневной двор. Она казалась призраком самой себя: осунувшиеся плечи, серый пучок волос, халат, который стал ей велик на три размера.

– Левин ушел? – спросила она, не оборачиваясь.

– Ушел.

– Он хороший человек, Вадик. Он бился за нас. Звонил кому-то в Москву, даже ночью. Но он просто врач.

Она медленно подошла к столу и положила перед Вадимом серую папку. Поверх медицинских выписок из «Шарите» лежал лист плотной казенной бумаги с гербом. Текст был коротким, сухим и окончательным, как удар гильотины.

Вадим быстро пробежал глазами строки: *«...рассмотрев запрос на организацию санитарного рейса... в связи с невозможностью обеспечения гарантированной безопасности полетов гражданских судов в текущей сложной геополитической обстановке... в зоне действия режима ограничения использования воздушного пространства... вынужде-*

ны отказать».

Внизу стояла размашистая подпись какого-то чиновника, чья фамилия была Вадиму незнакома.

– «Сложная обстановка», – вслух прочитал Вадим. Его голос звучал хрипло. – Мам, они серьезно? Они пишут это про двенадцатилетнюю девочку, которая не может дышать без розетки?

Мать горько усмехнулась. Она села напротив, и тусклый свет кухонной лампы подчеркнул глубокие морщины у её рта. – Для них нет девочек, Вадик. Есть «воздушные коридоры», «сектора ответственности» и «государственные интересы». Нам предложили перевести её в хоспис. Сказали, там «лучшие условия для паллиативного ухода». Знаешь, что это значит на их языке? Это значит – дайте ей спокойно догнать, чтобы она не портила статистику выздоровлений в областной больнице.

Вадим резко выпрямился. Он вытащил из внутреннего кармана куртки тугой конверт с банковскими документами и чеком. – Мам, слушай меня. У нас сто двадцать тысяч долларов. Это огромные деньги. Я говорил со Степанычем, я искал в сети – есть частные компании, у которых есть свои самолеты-реанимации. В Риге, в Гданьске, даже в самой Москве. Мы можем нанять их. Да черт с ним, мы можем купить этот полет трижды! Просто скажи им, что деньги на счету. Прямо сейчас.

Мать посмотрела на чек. В её глазах не было того блеска,

который Вадим видел у организаторов турнира в Сеуле. Была только бесконечная, выжженная пустыня. Она вдруг тихо, надрывно засмеялась. Этот смех был страшнее плача.

– Деньги... – она покачала головой. – Вадик, милый мой, ты всё еще думаешь, что мир работает как твои компьютеры? Нажал кнопку – купил услугу? Я вчера обзвонила двенадцать компаний. Двенадцать! Те, что в Польше и Литве, просто бросают трубку, как только слышат «Калининград». Они боятся, что их собьют или арестуют. А те, что в Москве... знаешь, что мне ответил диспетчер самой крупной частной авиации?

Она подалась вперед, в упор глядя на сына. – Он сказал: «Женщина, заберите свои миллионы и купите на них место на кладбище. Потому что ни один борт, кроме военного, не получит код ответчика для взлета из вашего региона. Небо закрыто наглухо. Либо ты летишь по приказу штаба, либо ты цель для ПВО». Твои деньги, Вадик... это просто бумага. Красивая, дорогая бумага, которой можно оклеить стены в комнате, где умирает твоя сестра.

Она бессильно уронила голову на руки. Тишина на кухне стала такой плотной, что Вадиму показалось, будто он находится в барокамере. Ритмичный гул концентратора из соседней комнаты стал громче – или это просто кровь пульсировала в его ушах?

«Цель для ПВО», – эхом отозвалось в голове.

В симуляторах он сотни раз уходил от захвата радаров. Он

знал частоты, он знал, как работают системы предупреждения об облучении (SPO). Но там это были красные пиксели на экране. Здесь это был реальный металл, который сейчас стоял зачехленным в «Майском», и реальные ракеты, которые ждали в шахтах вдоль побережья.

Вадим посмотрел на официальный отказ. «Геополитическая обстановка». Система выставила вокруг его семьи невидимый барьер – «Firewall», который нельзя было взломать деньгами. Система решила, что смерть Ники – это допустимая погрешность в большой игре.

И в этот момент внутри Вадима что-то переключилось.

Это было то самое состояние, которое он называл «автономным режимом». Когда на турнире происходил критический сбой, когда отключалась связь или начинался пожар на борту он переставал паниковать. Эмоции отключались как ненужные фоновые процессы. Оставался только голый алгоритм.

Вводные данные: Больная в критическом состоянии. Время – до 48 часов. Легальные пути – заблокированы. Ресурс – самолет Pilatus PC-12NGX в 30 километрах отсюда. Квалификация – достаточная. *Задача:* Доставить объект в точку «Б» (Берлин). *Риск:* Уничтожение судна. Тюремный срок.

Вадим медленно сложил чек и убрал его обратно в карман. Его лицо разгладилось, стало маской – спокойной и непроницаемой.

– Мам, – тихо сказал он. – Иди к ней. Посиди с ней.

– Вадик, ты куда? – она подняла голову, заметив странную перемену в его голосе. – Поешь хоть...

– Я не голоден. Мне нужно отдохнуть, а потом съездить к Степанычу. Забрать кое-какие вещи с турнира, – он солгал легко, почти не задумываясь. – Мы еще поборемся, мам. Не опускай руки.

Она посмотрела на него с надеждой, которая была ему как нож в сердце. Она думала, что он нашел какой-то новый «легальный» способ. Она верила в своего «золотого мальчика».

– Иди, – повторил он. – И... закрой дверь в комнату. Чтобы Ника не пугалась, если я поздно вернусь.

Вадим не был любителем, который бросается в авантюру на одном лишь адреналине. Он был пилотом, а пилот обязан учитывать состояние своего главного инструмента – самого себя. Ошибка в навигации или секундная задержка в небе, где воздух от жары стал вязким и капризным, стоили бы жизни им всем.

В Калининград они со Степанычу прилетели рано утром. Июльское солнце уже в восемь часов палило нещадно, превращая бетон Храброво в раскаленную сковородку. После изматывающего перелета из Сеула с пересадкой в Москве тело Вадима было на пределе.

Когда мать ушла в комнату к Нике, где на полную мощность гудел не только кислородный концентратор, но и старенький вентилятор, Вадим зашел к себе. В комнате стояла невыносимая духота – типичный калининградский июль, ко-

гда влажность с залива превращает воздух в парную.

– Мне нужно время, – прошептал он, настежь распахивая окно. – Перезагрузка.

Он разделся до футболки, лег поверх простыни и заставил свой мозг отключиться. Это не был сон в обычном понимании, это был «автономный режим» – жесткая остановка всех фоновых процессов. Несмотря на крики стрижей за окном и шум прогретых за день улиц, он провалился в глубокое забытие.

Вадим проснулся в девятом часу вечера. Солнце уже опускалось за горизонт, оставляя после себя багровое, душное марево. В квартире стало чуть прохладнее, но запах раскаленного асфальта и пыли всё еще проникал сквозь сетку окна. Организм, восстановившийся после сна, отозвался звенящей бодростью. Голова была ясной, а страх окончательно вытиснулся сухим, деловым расчетом.

Он встал, умыл лицо ледяной водой и посмотрел на свое отражение. Взгляд был сфокусированным, зрачки – узкими. Прыжок через границу требовал предельной концентрации, и теперь он был к нему готов.

Вадим вышел в прихожую. Он надел куртку, затянул шнурки на кроссовках. Движения были точными, выверенными. Он взял рюкзак, в котором уже лежали планшет, фонарик и те самые летные перчатки.

Перед тем как выйти, он на секунду замер у зеркала. На него смотрел подросток, которого мир считал игроком. Но

игрок только что закончил партию. Пилот начал предполетную подготовку.

Он вышел на лестничную площадку и закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал как герметизация люка.

«Геополитическая обстановка», – подумал он, спускаясь по ступеням. – «Посмотрим, как вы справитесь с одной маленькой целью, которая не подчиняется вашим протоколам».

Вадим вышел из подъезда. Прохладный вечерний калининградский воздух ударил в лицо, но он его почти не почувствовал. Он выкатил из подвала старый велосипед. До «Майского» было тридцать километров по старой немецкой дороге. Тридцать километров до того места, откуда он начнет операцию по спасению сестры, и, возможно, исчезнет в этом хмуром небе навсегда.

Он включил на телефоне авиационный навигатор. Экран загорелся синим, показывая запретные зоны. Вадим выключил все уведомления и перевел телефон в авиарежим.

Автономный режим активирован. Тормоза отпущены. V1.

Глава 3. Вне протокола

Старая немецкая дорога на Гвардейск в первом часу ночи казалась тоннелем, ведущим в никуда. Вадим крутил педали своего старого «горника», чувствуя, как прохладный летний ночной воздух обжигает легкие при каждом вдохе. Над асфальтом стелился туман – плотный, клочковатый, он загла-

тывал слабый свет велосипедного фонарика. С каждым поворотом колеса город, где в многоэтажке на окраине хрипел аппарат ИВЛ, оставался позади, превращаясь в точку на карте его памяти.

Мир сузился до пятна света на разбитом асфальте. Вадим намеренно избегал основных трасс, петляя по второстепенным дорогам, где из-за деревьев на дорогу смотрели пустые глазницы заброшенных кирх. Здесь не было патрулей, не было лишних глаз. Только он, скрип цепи и тяжелый ритм его собственного сердца.

Внутренний монитор Вадима, отточенный тысячами часов в виртуальных кабинах, продолжал работать в фоновом режиме. Он не замечал усталости в ногах. В его сознании, слой за слоем, разворачивалась схема кабины **Pilatus PC-12NGX**.

«Battery start. Check voltage. Twenty-four volts minimum»²⁵, – шептал он под нос, попадая в такт вращению педалей. – *«Strobes – OFF. Landing lights – OFF»²⁶. Нам нужна темнота»*.

Он боялся. Но это был не тот страх, который сковывает движения. Это был технический ужас перед неизвестностью. Вадим не боялся ракетных комплексов С-400, которые, как он знал, прятались в лесах под Янтарным. Он не боялся тюрьмы. Он боялся того, что реальность окажется «несовме-

---

²⁵ «Запуск от аккумулятора. Проверка напряжения. Минимум 24 вольт». (англ.)

²⁶ «Импульсные маяки – выключены. Посадочный свет – выключен». (англ.)

стимой». Что когда его пальцы, привыкшие к пластиковым кнопкам с легким кликом, коснутся реального рычага управления двигателем (Condition Lever), тот не сдвинется с места. Что металл окажется слишком тяжелым, механика – слишком тугой, а аналоговые приборы – те маленькие круглые окошки, которые дублируют электронику на случай сбоя – покажут цифры, которые он не сможет расшифровать в темноте.

В симуляторе всё было стерильно. Там не было запаха горелого масла, не было вибрации, от которой немеют зубы, не было «чувства задницы», как говорил Степаныч.

«А если я не смогу зафиксировать грузовой люк? Если гидравлика замкнет от сырости?» – эти мысли жалили больнее, чем секущий в лицо ледяной туман.

Вадим притормозил у развилки. Тень от придорожного дерева упала на его лицо, разрезая его пополам. Он достал телефон, на секунду включил экран. Яркость на минимуме. До «Майского» оставалось три километра.

Он снова нажал на педали. Теперь дорога пошла через лес. Деревья смыкались над головой, образуя готический свод. Вадим выключил фонарик. Глаза, привыкшие к темноте, различали едва заметную серую полосу дороги. Одиночество здесь было абсолютным. Он чувствовал себя единственным живым существом на планете, которая внезапно превратилась в сложную, враждебную симуляцию с повышенным уровнем сложности.

В какой-то момент он поймал себя на мысли, что его жизнь превратилась в лог-файл. *23:14. Координаты... Скорость 18 км/ч... Цель: Объект RA-07...*

Он запрещал себе думать о Нике. Стоило только представить её синие ногти и то, как она смотрела на золотой кубок, как в его безупречном алгоритме происходил критический сбой. Дыхание сбивалось, а руки начинали дрожать. Для того чтобы долететь, ему нужно было перестать быть братом. Ему нужно было стать бортовым компьютером. Холодным. Эффективным. Беспощадным к ошибкам.

Впереди показался покосившийся дорожный указатель, расстрелянный чьей-то дробью еще в девяностые: **«Аэродром Майский – 0.5»**.

Вадим съехал с дороги в кювет. Шины зашуршали по сухой траве и палым листьям. Он протасил велосипед вглубь леса, за густой кустарник, и пристегнул его к стволу старой березы. Движения были автоматическими. Он проверил рюкзак: планшет, мультитул, налобный фонарик с красным фильтром (чтобы не сбивать ночное зрение), летные перчатки.

Он выпрямился и посмотрел в сторону аэродрома. Сквозь деревья проглядывала сетка забора и тусклые огни дежурного освещения на вышке КДП (Командно-диспетчерского пункта).

Здесь, у этого ржавого знака, заканчивалась его прежняя жизнь. Жизнь «золотого мальчика», чемпиона, гордости

страны.

Вадим перелез через невысокую канаву и замер в тени огромного дуба. Перед ним расстилалось летное поле. В тумане оно казалось безграничным, как океан. Тишина была такой звонкой, что он слышал, как гудит высоковольтная линия где-то в километре отсюда.

Он был диверсантом. Но не против страны или строя. Он был диверсантом против несправедливости физики. Если мир выстроил вокруг его сестры стену из запретов и «особых режимов», он собирался пробить в этой стене дыру в форме пятитонного самолета.

Вадим надел перчатки. Кожа привычно обтянула пальцы, возвращая ему чувство уверенности. Это были его доспехи. Его интерфейс связи с машиной.

– Ну что, Пилатус, – прошептал он, глядя туда, где в дымке угадывались очертания ангаров. – Давай проверим, насколько твоя реальность отличается от моей.

Он пригнулся и быстрым, бесшумным шагом направился к периметру, стараясь держаться в «мертвых зонах» прожекторов. Каждый его шаг по этой земле теперь был нарушением закона. Но для Вадима, который уже видел перед глазами розовую линию глиссады на Берлин, законов больше не существовало. Существовал только план полета.

Автономный режим. Начало захвата цели.

Аэродром «Майский» спал тем тревожным, чутким сном, который бывает только в закрытых приграничных зонах. Ва-

дим замер в тени вековых лип, растущих вдоль периметра, и превратился в слух.

Тишина не была абсолютной. Ее заполнял низкий, едва уловимый гул трансформаторной будки у ворот – монотонный электрический пульс, который в ночной тишине казался Вадиму рычанием дремлющего хищника. Где-то далеко, на окраине поселка, лениво зашлась в лае собака, но быстро умолкла, словно испугавшись собственной дерзости. Ветер шелестел сухой травой, перекатывая пустые пластиковые бутылки по бетону рулежек.

Вадим вытащил телефон. Экран был выкручен на минимальную яркость, но в этой крошечной темноте он все равно казался слепящим прожектором. На дисплее – сохраненная карта с отмеченными «мертвыми зонами». Он знал, что старая камера над вторым ангаром не поворачивается влево из-за проржавевшего кронштейна, а объектив у КПП частично засвечен уличным фонарем.

– Пора, – прошептал он себе.

Он скользнул вдоль сетчатого забора. Рабица была ледяной и влажной от росы. Пальцы в тонких перчатках цеплялись за ячейки сетки, когда он нашел место, где грунт под забором подмыло весенними дождями. Вадим лег на живот, чувствуя, как холодная сырость мгновенно пропитывает худи. Он прополз под сеткой, обдирая спину о ржавую проволоку, и замер на той стороне.

Он был внутри. Теперь каждое его движение было пре-

ступлением против системы, которая еще вчера рукоплескала ему.

Вадим двигался короткими перебежками, используя тени от старых Ан-2, стоящих на приколе. Эти самолеты, облупившиеся и заброшенные, в тумане походили на скелеты доисторических птиц. Но он искал не их.

Он увидел его внезапно, когда обогнул угол главного ангара.

Pilatus PC-12NGX.

В бледном, призрачном свете луны, пробивающейся сквозь рваные облака, самолет не выглядел технологическим шедевром. Он казался огромным белым зверем, запертым в железной клетке аэродрома. Его хищный нос с зачехленным винтом был направлен в сторону запада, а Т-образный хвост высоко задирался в ночное небо, словно плавник акулы, застывшей в глубоких водах.

Вадим затаил дыхание. В симуляторе PC-12 был лишь набором полигонов. Здесь, в пяти метрах от него, это были пять тонн концентрированной мощи. Белоснежный фюзеляж с синей полосой вдоль борта отражал лунный свет с какой-то зловещей матовостью.

Он подошел ближе. Шаги на гравии звучали в его ушах как выстрелы. Остановившись у левой плоскости крыла, Вадим медленно, почти благоговейно протянул руку.

Это был тактильный шок.

Его пальцы коснулись обшивки. Холод. Настоящий, про-

низывающий холод авиационного алюминия, который за день впитал в себя сырость Балтики. Это не был податливый пластик его домашнего джойстика. Это был Металл. Живой, вибрирующий от ветра, пахнувший керосином, гидравлическим маслом и чем-то неуловимо техническим – запахом высокого напряжения и пережженного озона.

Вадим провел ладонью по заклепкам. Каждая из них была крошечным бугорком, держащим на себе ответственность за целостность машины на огромной скорости. Он почувствовал стык листов обшивки – идеальный, герметичный. Он коснулся стойки шасси, ощутив липкую смазку на поршне амортизатора.

В этот момент иллюзия игры окончательно рассыпалась. Реальность ударила в нос запахом топлива и обожгла пальцы холодом стали. Перед ним стояла машина, которая не прощала ошибок. В ней не было кнопки «Escape» или функции «Restart». Если он совершит ошибку здесь, этот «белый зверь» просто раздавит его своей массой.

Вадим поднял взгляд на кабину. Остекление отражало звезды. Там, за этим стеклом, находилось его рабочее место. Там были рычаги, которые должны были вырвать его сестру из лап смерти. Но пока он стоял снаружи, отделенный от этой мощи запертой дверью и мертвыми двигателями.

– Ну привет, – прошептал он, и его голос дрогнул в тишине аэродрома. – Извини, что без разрешения. У нас просто нет другого выхода.

Он обошел самолет, снял чехол с винта, проверяя его состояние. Пять лопастей были неподвижны. Вадим коснулся одной из них – композитный материал был гладким и острым. Он представил, как этот винт начнет раскручиваться, превращаясь в невидимый диск, вгрызающийся в воздух.

Внезапно со стороны КПП донесся звук захлопывающейся двери. Вадим мгновенно нырнул под брюхо «Пилатуса», прижавшись спиной к колесу основной стойки. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь аэродром. Гул трансформатора теперь казался ему фоновым шумом его собственной паники.

Луч фонаря охранника скользнул по бетону в паре метров от него. Вадим видел стоптанные берцы человека, слышал его ленивое покашливание. Мир сузился до пространства под фюзеляжем, пахнущего авиационной химией. В этот момент он понял: он уже не просто геймер, мечтающий о полете. Он стал частью этого зверя, его тенью, его нелегальным пилотом.

Охранник ушел. Снова воцарилась тишина. Вадим осторожно выбрался из-под самолета, глядя на темные окна КДП. Он оставался один на один с молчаливой машиной, понимая: самое сложное – превратить этот холодный металл в живое, летящее спасение – еще впереди.

Вадим действовал быстро. Потянув за утопленную ручку основной двери, он услышал мягкое шипение уплотнителей – герметичность кабины была идеальной. Трап-дверь плавно

опустилась, коснувшись гравия с едва слышным звуком. Вадим взлетел по ступеням, нырнув в пахнущий дорогой кожей полумрак салона, и тут же притянул дверь обратно, блокируя её изнутри.

Он оказался в капсуле абсолютной тишины.

Протиснувшись между креслами бизнес-класса, Вадим опустился в левое кресло пилота. Сердце колотилось в горле. Он чувствовал себя так, словно занял место за пультом управления божественной машиной. Перед ним в темноте застыли три огромных черных зеркала – дисплеи системы *Honeywell Primus Apex*.

– Так, спокойно. По чек-листу, – прошептал он, вытирая потные ладони о штаны. – Электрика. Battery 1, Battery 2.

Его рука безошибочно нашла тумблеры на верхней панели. Щелчок – раз. Щелчок – два.

Ничего.

Вадим замер, не сводя глаз с дисплеев. В симуляторе в этот момент кабину наполнял мягкий гул вентиляторов охлаждения, а экраны расцветали логотипами и яркими индикаторами. Но здесь тишина оставалась плотной и мертвой. Он попробовал включить аварийное освещение – ноль. Он щелкнул тумблером «Internal Lights» – кабина осталась черной.

– Нет, нет, нет... – Вадим начал лихорадочно переключать Master Switch туда и обратно. – Только не сейчас!

Он взглянул на маленький аналоговый вольтметр на пане-

ли. Стрелка лежала на ограничителе, даже не дрогнув. Самолет был «пустым». Батареи не просто сели – их здесь не было. В условиях простоя и «особого режима» техники, вероятно, сняли аккумуляторы на хранение в теплый бокс, чтобы избежать саморазряда и порчи пластин.

Без питания «Пилатус» был всего лишь пятитонным куском алюминия. Без электричества не сработают топливные насосы, не откроется грузовой люк для Ники, и, что самое главное, стартер не сможет провернуть тяжелый вал турбины.

Вадим откинулся на спинку кресла, чувствуя, как его охватывает паника. Весь его гениальный план разбился о прозаический факт: отсутствие двух свинцово-кислотных блоков по двадцать восемь вольт.

– АПА, – выдохнул он через минуту. – Или склад.

Он знал, что на любом аэродроме есть либо передвижной агрегат питания, либо стеллаж с аккумуляторами в техотделе. «Майский» был маленьким, здесь всё должно было находиться в главном ангаре, в бытовке техников.

Вадим осторожно приоткрыл дверь. Снова прохладный ночной воздух, запах мокрой травы и далекий лай. Он скользнул вниз по ступеням и, пригибаясь, бросился к длинному приземистому зданию ангара.

Дверь техотдела оказалась не заперта – лишь прихвачена на проволоку. Видимо, здесь привыкли к тишине и отсутствию посторонних. Вадим нырнул внутрь.

Здесь пахло иначе. Резкий, тяжелый запах машинного масла, разлитого электролита, дешевого табака и старой, замасленной ветоши. Свет фонарика с красным фильтром выхватил из темноты верстаки, заваленные деталями, ржавые тиски и ряды полок.

Он нашел их в самом углу. Два тяжелых прямоугольных блока в стальных корпусах с мощными клеммами. Рядом на зарядке стоял АПА – тележка с кабелем, но выкатить её незаметно через все поле было невозможно. Оставались только АКБ.

Каждая такая батарея весила около двадцати пяти килограммов. Пятьдесят килограммов мертвого веса, которые нужно было донести до самолета, не привлекая внимания.

Вадим схватил первую батарею за ручку. Металл врезался в ладонь даже сквозь перчатку. Он потащил её к выходу, стараясь не задеть железные стеллажи. Каждый его шаг отдавался глухим стуком в ушах.

Внезапно снаружи слышались голоса.

Вадим замер, прижавшись к стене рядом с дверью. Сердце пропустило удар. Сквозь щели в досках он увидел луч фонаря, скользнувший по траве.

– ...говорю тебе, Степаныч сегодня сам не свой был, – пробасил мужской голос. – Всё ходил вокруг «Пилатуса», вздыхал. Жалко машину, говорит. Стоит, гниет.

– Да ладно тебе, – ответил второй, помоложе. – Сейчас всё стоит. Пошли в караулку, там чайник закипел.

Вадим затаил дыхание. Голоса удалялись, но риск был за-предельным. Если бы они решили зайти проверить аккумуляторы, всё бы закончилось прямо здесь, в этой вонючей бы-товке.

Когда шаги стихли, Вадим рванулся. Он тащил первую батарею, едва не надрываясь. Мышцы спины ныли, пальцы немели, но в голове стучало только одно: «*Ника. Остановка сердца. Ногти. Синий цвет*». Эта картина была лучшим до-пингом.

Он донес первый блок до самолета, спрятал его за колесо шасси и вернулся за вторым. Вторая ходка далась еще тяже-лее. Пот заливал глаза, дыхание стало хриплым. Он чувство-вал себя не великим пилотом, а обычным грузчиком, черно-рабочим смерти.

Наконец, обе батареи были у люка техотсека в носовой ча-сти самолета. Вадим знал, где находится разъем. Он открыл небольшую панель, вытащил соединительные кабели и начал подключать клеммы.

Руки дрожали. В темноте, на ощупь, он пытался совме-стить тяжелые контакты.

– Давай же, сволочь... – шептал он, когда гайка никак не хотела садиться на резьбу.

Наконец, щелчок зажима. И еще один.

Вадим запер люк и снова забрался в кабину. Он сел в крес-ло, вытирая лицо рукавом. Его руки были черными от мазу-та и графитовой смазки.

Он снова потянулся к верхней панели. Палец лег на тумблер **Battery 1**.

Щелчок.

И в ту же секунду тишина взорвалась жизнью.

Тихий, нарастающий гул гироскопов и вентиляторов наполнил кабину. На центральном дисплее вспыхнула надпись: **HONEYWELL PRIMUS APEX**. Экран заполнился цифрами, лентами скоростей и высот, картой аэродрома и россыпью зеленых индикаторов. Кабина наполнилась мягким, футуристическим свечением авионики.

Вадим посмотрел на вольтметр. Двадцать четыре вольта. Стабильно.

Он не был диверсантом. Он больше не был грузчиком. Теперь он был частью этой светящейся, живой системы.

Экран навигации показывал их текущее положение: крошечный белый самолет на сером фоне аэродрома. Вадим ввел в систему план полета: **УМКК (Храброво/Майский) – EDDB (Берлин-Бранденбург)**.

Система выдала предупреждение красным цветом: **AIRSPACE RESTRICTED²⁷**.

– Знаю, – прошептал Вадим, глядя на красную полосу на экране. – Плевать.

Он проверил остаток топлива. Баки были полны почти наполовину – около тысячи фунтов керосина. Этого хватило бы до Берлина и обратно, если не жечь топливо на форсаже

---

²⁷ Воздушное пространство ограничено. (англ.)

и маневрах ухода.

Вадим почувствовал, как к нему возвращается хладнокровие. Технический барьер был взят. Теперь у него был самолет, который дышал вместе с ним. Оставалось самое сложное – превратить этот светящийся кокон в летящую пулю и не дать системе ПВО превратить его в пепел.

Он закрыл глаза, запоминая расположение каждой горячей кнопки. Теперь он был готов.

Свечение дисплеев в кабине казалось Вадиму единственным источником жизни во всей застывшей области. Он завороженно смотрел, как по экранам пробегают строки системной самодиагностики. Он уже протянул руку к панели управления топливными насосами, когда тишину кабины разрезал резкий, сухой звук – хлопок ладонью по фюзеляжу прямо под его окном.

Вадим вздрогнул так, что штурвал дернулся в его руках. Он мгновенно щелкнул тумблером «Master Battery», гася экраны. Тьма навалилась мгновенно, еще более густая и зловещая.

– Вылезай, хакер, – раздался из-за борта знакомый хриплый голос. – Вылезай, пока я охрану не кликнул. Хотя они там спят в обнимку с телевизором, но на звук турбины прибегают даже мертвые.

Вадим почувствовал, как сердце проваливается куда-то в район желудка. Степаныч.

Он медленно спустился по ступеням трапа. Старый меха-

ник стоял на гравии, засунув руки в карманы замасленной куртки. Его лицо, изрезанное морщинами, как старая полетная карта, было бледным в свете луны. От него пахло дешевыми сигаретами и бессонницей.

– Ты что здесь устроил, щегол? – Степаныч шагнул ближе, и в его глазах Вадим увидел не ярость, а какое-то бесконечное, горькое разочарование. – Аккумуляторы попер со склада... Я по следам на росе тебя вычислил. Думал, у тебя хоть капля мозгов осталась после Сеула. А ты решил в камикадзе поиграть?

– Степаныч, уйдите, – Вадим стоял, сжав кулаки. – Я всё равно это сделаю. Вы меня не остановите.

– Остановить? – Степаныч горько усмехнулся и подошел вплотную, ткнув пальцем в грудь Вадима. – Мальчик, ты хоть понимаешь, что это? Это не джойстик с вибрацией. Это международный терроризм, угон судна, нарушение государственной границы в особый период. Тебя не диспетчеры встретят. Тебя «сушки» из Черняховска встретят. Знаешь, как выглядит ракета «воздух-воздух» в трех метрах от твоего хвоста? Ты её даже увидеть не успеешь. Просто вспышка – и привет.

– Пусть сбивают, – выкрикнул Вадим, и его голос сорвался на подростковый фальцет. – Какая разница? Здесь она тоже умрет! Только медленно и в мучениях, под шипение этого чертового ящика!

Степаныч замер. Его рука, занесенная для очередного же-

ста, опустилась. – О чем ты?

Вадим лихорадочно полез во внутренний карман куртки и вытащил смятую распечатку письма из «Шарите». Он почти сунул её в лицо механику. – Вот! Посмотрите! Они её принимают. Ждут. Там есть лекарство, там есть шанс. А наши чиновники написали «отказ». «Сложная обстановка», Степаныч! Для них её жизнь – это просто помеха в расписании военных рейсов.

Степаныч вытащил из кармана старые очки со сломанной дужкой, водрузил их на нос и долго, внимательно читал письмо, подсвечивая себе крошечным фонариком-брелоком. Вадим видел, как двигаются губы старика, как дрожит листок в его тяжелых, мозолистых пальцах.

– И ты... ты решил сам? – тихо спросил механик, возвращая бумагу.

– Я видел её руки сегодня, Степаныч, – Вадим заговорил быстро, захлебываясь словами. – У неё ногти синие. Она задыхается, даже когда просто пытается сказать «привет». Левин сказал, у нас сорок восемь часов. Если я не вылечу сейчас, через два дня этот «Пилатус» мне уже не понадобится. Ничего не понадобится. Я пилот, Степаныч! Вы сами говорили, что я летаю лучше, чем дышу. Так дайте мне это доказать! Не ради кубка, ради неё!

Старик молчал долго. Казалось, целую вечность. Он смотрел на белый фюзеляж самолета, потом на темное, равнодушное небо Калининграда.

– Это самоубийство, – повторил он, но уже без прежней уверенности. – Ты не пройдешь зону ПВО. У них радары видят каждую ворону.

– У «Пилатуса» низкая ЭПР, если идти на сверхмалой, – Вадим заговорил на языке цифр и графиков. – Я изучил карту рельефа. Если я нырну в пойму Преголи, а потом уйду над лесами к границе... На высоте пятнадцати метров они меня не возьмут. Я геймер, Степаныч. Я знаю, как обманывать алгоритмы.

– Ты дурак, Вадик, – Степаныч вдруг сплюнул на землю и яростно потер лицо руками. – Геймер он... Алгоритмы... Там живые люди за пультами сидят, у них приказ.

Он снова замолчал, а потом вдруг резко, по-военному, выпрямился. Его глаза сверкнули из-под густых бровей.

– Слушай меня сюда, смертник. Если ты запустишь турбину так, как ты это делал в своих игрушках – по перегреву ИТТ встанешь прямо здесь, на рулежке. У этой машины капризный нрав на старте. И аккумуляторы ты поставил криво, я по звуку контактов слышу.

Вадим замер, боясь спугнуть этот момент.

– Степаныч... вы...

– Цыц! – прикрикнул старик. – Слушай и запоминай. Я помогу тебе подготовить борт. Я проверю масло, давление в амортизаторах и выкину нахрен лишние кресла, чтобы твои носилки влезли. Я покажу тебе, как обмануть систему пожаротушения, если придется выжимать из движка всё на фор-

саже. Но!

Он схватил Вадима за плечо и сжал так, что парень поморщился.

– Взлетать ты будешь сам. В то кресло я не сяду. У меня внуки, Вадик. И у меня совесть, которая меня сожрет, если я подпишусь на угон. А ты... – Степаныч посмотрел на него со смесью ужаса и восхищения. – Ты уже не человек. В тебе после этого Сеула что-то перегорело. Ты теперь как этот их компьютер «Honeywell». Холодный, быстрый, пустой. Тебе не страшно, потому что ты считаешь шансы, а не чувствуешь смерть.

– Мне страшно, Степаныч, – тихо признался Вадим. – Очень страшно.

– Нет, малый. Тебе просто «недостает данных», – старик горько усмехнулся. – Ладно. Хватит сопли размазывать. У нас три часа до рассвета. Если хочешь уйти незамеченным – надо шевелиться. Охранник на КПП – мой кум, я его отвлеку, скажу, что зашел ключи забрать.

Степаныч обернулся к самолету и хлопнул его по борту, как старую лошадь.

– Если уж собрался в ад, – проворчал он, – то хоть двигатель запусти по-человечески. Пошли, «компьютер». Посмотрим, на что твои нейроны годны против реального железа.

Вадим смотрел на широкую спину механика, уходящего к техническому боксу, и чувствовал, как ледяная корка на его сердце дает трещину. Он был не один. И в этом темном,

закрытом мире это было важнее любой авионики.

– Спасибо, Степаныч, – прошептал он в темноту.

– В Берлине «спасибо» скажешь, если не сгоришь над Польшей, – донеслось из тумана. – Работай давай!

Внутри ангара было еще темнее, чем на летном поле. Туман здесь отступал перед густыми запахами застарелого машинного масла, авиационного керосина и пыли, копившейся десятилетиями. Степаныч двигался в этой темноте с уверенностью призрака, знающего каждый кирпич в своем склепе. Он не зажигал основного света, ограничившись тусклым налобным фонарем, луч которого нервно прыгал по серебристому фюзеляжу «Пилатуса».

– Давай, малый, хватай за край. Только не дергай, композит – штука нежная, не брезент на «Аннушке», – проворчал старик, забираясь на стремянку.

Они начали со снятия чехлов. Плотная темно-синяя ткань, защищавшая остекление кабины и воздухозаборники, казалась неподъемной от впитавшейся ночной влаги. Вадим тянул на себя край, чувствуя, как ледяная вода стекает за рукава, но не обращал на это внимания. Когда чехол сполз, обнажив хищный прищур лобовых стекол, самолет словно вздохнул, освобождаясь от пут.

– Теперь масло и керосин, – Степаныч спрыгнул на бетон, кряхтя от боли в коленях. – Поднимайся на крыло. Справа – заправочная горловина. Открой лючок, проверь визуально. Датчикам в этой сырости веры нет.

Вадим взобрался на плоскость крыла. Подошвы кроссовок скользили по гладкой краске. Он открутил тяжелую крышку. Запах керосина ударил в нос – резкий, чистый аромат свободы.

– Почти половина, Степаныч! Около тысячи двухсот фунтов! – крикнул он негромко. – Нам за глаза хватит.

Он прикинул в уме: крейсерский расход PC-12NGX на низких эшелонах составлял около 400–500 фунтов в час. До Берлина – чуть больше пятисот километров. Даже с учетом прогрева, руления и маневрирования на малых высотах, у них оставался огромный навигационный запас.

Но настоящая работа началась внутри.

Когда они вошли в салон, освещенный лишь тусклыми аварийными огнями, Вадим почувствовал когнитивный диссонанс. Роскошь интерьера «Executive» – кремовая кожа, полированное дерево, позолоченные пряжки ремней – выглядела издевательством на фоне их задачи. Это был лимузин для бизнесменов, а им нужен был реанимационный бокс.

– Носилки не встанут, Степаныч, – Вадим замерил расстояние между вторым и третьим рядом кресел. – Проход слишком узкий. И аппарат ИВЛ не закрепить – он улетит при первой же болтанке.

Степаныч молча вытащил из сумки набор тяжелых торцевых ключей. Его лицо было суровым. – Держи ключ на четырнадцать. Будем делать из него грузовик.

Болты, вкрученные в Стансе с швейцарской педантично-

стью, не желали поддаваться. Вадим наваливался на рычаг всем весом, чувствуя, как металл режет ладони через перчатки. *Хруст. Скрежет.* Второе кресло сдалось первым. Они вытащили его из направляющих и буквально вышвырнули через грузовой люк на траву. За ним последовало четвертое. В салоне образовалось пустое, холодное пространство с торчащими из пола рельсами.

– Теперь считай, «компьютер», – Степаныч вытер пот со лба. – Давай свою математику. Только без вранья.

Вадим достал планшет и открыл калькулятор. Наступил момент, которого он боялся больше всего – сухая арифметика жизни и смерти.

– Расстояние от Гвардейска до Берлина по прямой – примерно 530 километров, – начал Вадим, и его голос стал сухим, как доклад диспетчеру. – Это 286 морских миль. Крейсерская скорость «Пилатуса» – 290 узлов, но я не смогу идти на 30-м эшелоне. Там я – цель. Придется идти на сверхмалой, «стричь верхушки». Там плотный воздух, сопротивление выше. Закладываю 240 узлов путевой скорости.

Он быстро считал, переводя мили в минуты. – Чистое полетное время – 72 минуты. Плюс 15 минут на взлет и набор, плюс 10 на заход. Итого – полтора часа в воздухе.

– А кислород? – Степаныч кивнул на баллоны, которые они привезли из дома.

– Вот тут край, Степаныч, – Вадим вывел цифры на экран. – Нике нужно 10 литров в минуту. Это высокая подача. Пол-

тора часа полета – это 900 литров. Плюс транспортировка от дома до самолета и от самолета до клиники – еще час. Всего 150 минут. Итого нам нужно минимум 1500 литров чистого кислорода.

Он указал на стандартный десятилитровый баллон. – Один такой баллон при давлении 150 атмосфер дает 1500 литров. У нас их два. Один – основной, второй – резервный.

– Значит, три тысячи литров на два с половиной часа? – Степаныч прищурился. – Вроде запас двойной.

– В теории – да, – Вадим закусил губу. – Но если на границе нас зажмут? Если придется уходить от перехвата или кружить над Бранденбургом в ожидании разрешения? Каждый лишний час – это минус тысяча литров. Если полет затянется до трех часов, мы окажемся на нуле. У нас нет права на «зону ожидания», Степаныч. Вообще нет. Или мы садимся с ходу, или...

– Или она перестает дышать прямо над немецким автобаном, – закончил за него старик. – Понятно. Значит, вариант один: садиться «нахалом».

Вадим посмотрел на пустой салон. Теперь он действительно напоминал Ноев ковчег – выпотрошенное судно, готовое пуститься в плавание по смертельно опасному океану.

– Я закреплю баллоны здесь, у левого борта, – Вадим снова перешел в режим алгоритма. – Обвяжу их такелажными ремнями к рельсам кресел. Монитор ИВЛ – на столик. Питание возьмем от бортовой розетки, инвертор на 110 вольт в

РС-12 тянет до 500 ватт, этого хватит.

Он подошел к грузовому люку и посмотрел наружу. Туман начал редеть, и на востоке небо стало приобретать свинцовый оттенок. Время уходило.

– Степаныч, сколько нам еще?

– Полчаса на проверку тяг управления. Потом я поеду за вами, – старик посмотрел на часы. – Вадик... ты понимаешь, что как только ты пересечешь границу на пятидесяти метрах, на уши встанут все? И наши, и поляки, и НАТО. Для них ты будешь не «санитарным рейсом», а неопознанной целью со стороны закрытого анклава.

Вадим посмотрел на свои руки – грязные, пахнущие керосином и металлом. Он сжал их в кулаки. – Пусть встают. Главное, чтобы они не успели принять решение раньше, чем я коснусь бетона в Берлине.

Он в последний раз окинул взглядом салон. Два вырванных кресла на бетоне выглядели как обломки его прошлой жизни. Впереди был только полет – 72 минуты между землей и небом, где каждая секунда стоила десять литров кислорода.

Вадим сидел в капитанском кресле, погруженный в призрачное синеватое сияние дисплеев. Снаружи, в серой мгле, Степаныч заканчивал последние проверки. Вадим слышал глухие удары по фюзеляжу – старик проверял фиксацию люков и надежность крепления внешних панелей. Каждый этот звук отдавался в позвоночнике Вадима.

На центральном дисплее MFD (Multi-Function Display) светилась карта. Вадим выкрутил яркость на минимум – «тихий режим». Он не хотел, чтобы кабина сияла в ночи, как новогодняя елка, выдавая его местоположение случайному патрулю. В этом тусклом свете его лицо казалось бледной маской, а глаза – двумя темными провалами, в которых отражались цепочки цифр.

Пальцы порхали по клавиатуре ввода данных FMS (Flight Management System).

ORIGIN: UMKK (Майский)

DEST: EDDB (Берлин-Бранденбург)

ALT: 150 ft (50 метров)

Система послушно прочертила на экране тонкую розовую линию. Прямая, как струна, она рассекала карту, уходя на запад. Вадим смотрел на неё, и внутри него рос холодный, расчетливый азарт.

Между этим креслом и берлинским госпиталем лежали две границы. Сотни километров чужого, ощетинившегося радарми неба. Десятки зенитно-ракетных комплексов, чьи электронные «глаза» сейчас лениво сканировали горизонт. Для системы он не был братом, спасающим сестру. Он был «неопознанным низковысотным объектом». Целью номер один.

– Транспондер в Standby²⁸, – прошептал он, переводя переключатель ответчика. – Никаких кодов. Никаких имен.

---

²⁸ Режим ожидания. (англ.)

Без включенного ответчика он исчезнет с экранов гражданских диспетчеров, превратившись в «первичную отметку» – крошечное пятнышко, которое легко принять за стаю птиц или помеху от тумана, если идти достаточно низко.

Степаныч постучал в стекло и показал большой палец. Он закончил. Старик выглядел изможденным, его плечи под курткой поникли, но взгляд оставался твердым. Он отошел от самолета, растворяясь в тумане, чтобы занять свой пост у ворот и ждать возвращения Вадима уже с «грузом».

Вадим остался один.

Он положил руки на штурвал. Кожа оплетки была холодной и настоящей. Это был момент тишины перед бурей. Он закрыл глаза и на мгновение представил себе завтрашний день.

Новости. Заголовки. *«Дерзкий побег из анклава»*. *«Киберспортсмен угнал самолет»*. *«Неизвестный борт нарушил границы НАТО»*. Его лицо будет на всех экранах, но уже не с золотой медалью, а с пометкой «разыскивается». Его счета заблокируют, его карьеру сотрут в порошок. В мире правил и протоколов он станет изгоем, преступником, сумасшедшим.

Но потом он вспомнил звук. Тот самый *Пишиш-вых... Пишиш-вых...* – ритм, под который угасала Ника.

Он посмотрел на розовую линию на навигаторе. 286 морских миль. 72 минуты на пределе возможностей машины и нервов. 3000 литров кислорода, которые стоят дороже, чем всё золото мира.

«Завтра в это время я буду либо героем, либо заголовком в криминальной хронике, – подумал Вадим, и его палец лег на кнопку стартера. – Но это не имеет значения. Физика простая: пока крутится винт – она дышит. Пока я в небе – у неё есть завтра».

Он глубоко вздохнул, наполняя легкие запахом кожи и озона.

– Ну что, Пилатус, – прошептал он в темноту кабины. – Пора показать им, что твой пилот – не просто игрок.

Глава 4. VI: Скорость принятия решения

В 03:30 ночи мир вокруг аэродрома «Майский» окончательно утратил четкость линий. Калининградский туман – густой, соленый, пропитанный близостью Балтики – превратился в осязаемую стену. Свет дежурных мачт на КДП не пробивал эту пелену, а лишь создавал в ней размытые фосфоресцирующие пятна, похожие на блуждающие огни на болоте. Вадим стоял у распахнутых створ ангара. Холодный воздух, насыщенный влагой, пробирался под куртку, оседая мелкими каплями на бровях и ресницах, но он не шевелился. Каждая клетка его тела превратилась в локатор.

Тишина аэродрома была неестественной, «ватной». Она не была отсутствием звука; она была присутствием угрозы. Где-то в глубине поля гудела трансформаторная будка, ветер шелестел ржавыми листьями железа на крыше соседнего склада, но Вадим ждал другого – надрывного, кашляющего

рокота старого дизеля.

Наконец, звук пришел. Сначала как едва уловимая вибрация почвы, затем как далекое ворчание зверя. Из серой мглы вынырнули две желтые фары, похожие на глаза больного животного. Старый фургон «Фольксваген Транспортер», рабочий инструмент Степаныча, двигался почти крадучись. Водитель не включал дальний свет, боясь привлечь внимание охраны на КПП, хотя Степаныч и клялся, что его кум сегодня «крепко занят чаем и телевизором».

Фургон замер у самого хвоста «Пилатуса». Двигатель захлебнулся, выплюнул облако сизого дыма и смолк, оставив после себя лишь запах несгоревшей солярки и ритмичное шелканье остывающего блока цилиндров.

Вадим шагнул вперед, когда задние двери фургона распахнулись с тяжелым, сухим лязгом. Этот звук, такой привычный в мирное время, сейчас показался ему грохотом обвала.

Внутри фургона, под тусклым светом единственного плафона, открылась сцена, которую Вадим будет помнить до конца жизни. Среди нагромождения медицинских сумок, запасных баллонов и переплетения проводов лежала Ника. Она казалась неестественно маленькой, почти двухмерной в своей неподвижности. Её лицо, обложенное подушками для фиксации при транспортировке, по цвету сливалось с белыми простынями.

Над ней, словно футуристический тотем, возвышался ап-

парат ИВЛ. Его монитор ритмично подмигивал ядовито-зелеными цифрами, отбрасывая призрачные тени на обшивку фургона. *Пиши-вых... Пиши-вых...* – этот звук теперь был единственным метрономом их существования.

Мать сидела на полу рядом с носилками. Её руки мертвой хваткой вцепились в поручень. Когда она подняла голову и посмотрела на Вадима, он ощутил физический удар. В её глазах не было слез – они давно высохли, оставив только выжженную, обжигающую пустоту. Она была похожа на человека, который уже прошел через свою казнь и теперь просто ждет, когда тело поймет, что оно мертво.

– Мы здесь, Вадик, – прошептала она. Голос был таким сухим, что казалось, связки сейчас треснут.

Она медленно перевела взгляд за спину сына. Там, в полумраке ангара, замер Pilatus PC-12NGX. В лучах его собственных навигационных огней, которые Вадим включил в «тусклом» режиме, самолет выглядел пугающе. Белоснежный, гладкий, с острым килем и пятилопастным винтом, он не походил на спасательное судно. Он выглядел как холодный, высокотехнологичный снаряд.

– Это... это на нем? – Мать сглотнула, и Вадим увидел, как на её шее судорожно дернулся кадык. – Господи, Вадим, он же... он же совсем из фольги. Он такой маленький. Как мы все там...

– Мам, слушай меня, – Вадим взял её за плечи, чувствуя, как она дрожит мелкой, непрекращающейся дрожью. – Это

лучший самолет. У него герметичная кабина, он летит выше облаков, там нет болтанки. Это не игрушка, это швейцарские часы. Он донесет её. Обещаю.

Степаныч, вышедший из кабины фургона, не тратил времени на разговоры. Он выглядел суровым, сосредоточенным, его движения были резкими. Старик словно пытался заглушить страх профессиональной суетой.

– Кончай лирику, – бросил он, подхватывая край носилок. – Вадим, бери с того конца. Мать, хватай монитор, следи за трубками. Если пережмем воздуховод – всё, прилетели не взлетая.

Они начали перегрузку. Это была хирургическая операция в полевых условиях. Каждое движение выверялось до миллиметра. Носилки на колесиках катились по бетонному полу ангара, и каждый стык плит отзывался в сердце Вадима глухим ударом. Ему казалось, что Ника чувствует каждую эту вибрацию, что её хрупкое равновесие может рассыпаться от малейшего толчка.

Когда они подошли к широкому грузовому люку «Пилатуса», Вадим на мгновение замер. Перед ним был темный проем, ведущий в чрево самолета – в пространство, которое он своими руками выпотрошил час назад. Там, где раньше стояли кожаные кресла для миллионеров, теперь зияла пустота с торчащими стальными рельсами.

Этот люк был порталом. По ту сторону оставался привычный мир: их двухкомнатная хрущевка с запахом лекарств,

неоплаченные счета, равнодушные лица в министерстве, золотой кубок на полке, ставший бесполезным куском металла. А внутри самолета начиналась неизвестность, где нет законов, кроме гравитации и запаса керосина.

– Поднимаем на счет «три», – скомандовал Степаныч. – Раз. Два. Три!

Они подняли носилки. Вадим почувствовал вес сестры. Она была пугающе легкой. В ней не осталось ничего от той девочки, которая еще год назад заставляла его играть в прятки. Она весила не больше, чем его летная сумка. Это осознание обожгло его сильнее, чем ледяной металл фюзеляжа.

Они занесли её внутрь. Салон самолета, рассчитанный на роскошь, принял носилки с какой-то отстраненной готовностью. Колеса встали в пазы направляющих рельсов. Вадим лихорадочно затянул такелажные ремни.

Щелк. Щелк. Щелк.

Эти звуки фиксации показались ему окончательными. Как закрывающиеся двери тюремной камеры или, наоборот, как затворы оружия перед боем.

Мать забралась следом. Она сразу опустилась на колени на ковровое покрытие, не обращая внимания на его дороговизну, и начала расставлять медицинское оборудование. Она действовала как автомат, как часть системы жизнеобеспечения.

– Подключаю основное питание, – доложила она. Её голос больше не дрожал – включился режим матери-защитницы. –

Перехожу на бортовую сеть. Сатурация восемьдесят семь... восемьдесят шесть... Давай, маленькая, дыши. Ну же!

Прибор пискнул, цифры на мгновение покраснели, но затем снова стабилизировались на восьмидесяти восьми.

– Она держится, – выдохнула мать, прижимаясь лбом к холодному поручню носилок. – Мы готовы, Вадик.

Вадим посмотрел на Нику. В синеватом свете кабины она казалась спящей принцессой из какой-то очень мрачной сказки. Вокруг её головы змеились провода, а маска на лице запотевала от каждого принудительного вдоха. Она была единственной причиной, по которой Вадим сейчас должен был совершить преступление против государства.

– Степаныч, закрывай, – сказал Вадим, чувствуя, как внутри него что-то окончательно каменеет.

Старик стоял у кромки люка. Он посмотрел на Вадима – долго, тяжело. В его взгляде было всё: и страх за парня, и горькая гордость, и прощание. Он знал, что если их поймают, он – соучастник. Но он также знал, что не смог бы жить, если бы не открыл эти ворота.

– Вадик, – Степаныч положил тяжелую мозолистую руку на плечо парня. – Слушай меня. На разбеге, если стрелка ИТТ пойдет в красное – не думай, бросай газ. Жизнь в тюрьме – это всё равно жизнь. А в земле места много, там не развернешься.

– Я выведу её, Степаныч. Обещаю.

– Давай, «компьютер», – старик горько усмехнулся. – По-

кажи им, что ты не зря в свои кнопки тыкал.

Степаныч нажал кнопку закрытия люка. Тяжелая гермодверь поползла вверх, медленно отсекая запахи тумана, дизеля и старого аэродрома. Гул внешнего мира исчез, сменившись герметичной тишиной салона, нарушаемой только свистом аппарата ИВЛ.

Вадим остался в замкнутом пространстве. Он, мать, умирающая сестра и пять тонн металла, готового к прыжку. Он больше не чувствовал холода. Он чувствовал только пульсацию в висках – 120 ударов в минуту.

Он развернулся и быстро пошел в кабину. Ему нельзя было сейчас смотреть назад. Нельзя было видеть лицо матери и трубки, уходящие в нос сестры. В эту секунду он должен был перестать быть братом. Он должен был стать интерфейсом между человеком и машиной.

Он упал в левое кресло КВС. Окружающая темнота кабины мгновенно всосала его. Пальцы привычно, на уровне рефлексов, легли на тумблеры оверхеда.

«Начало цикла», – мелькнуло в голове.

На часах было 03:45. Через пятнадцать минут этот аэродром узнает, что такое настоящий «холодный старт».

Вадим щелкнул тумблером «Emergency Power». Экраны авионики вспыхнули, заливая его лицо мертвенно-голубым светом. План полета до Берлина уже горел в памяти системы розовой линией. Между ним и этой линией стояли только два километра бетонной полосы и воля одного человека,

решившего, что правила больше не имеют значения.

– Пристегнись, мам, – бросил он в салон, не оборачиваясь.
– Сейчас будет шумно.

В кабине было холодно, но Вадим чувствовал, как по спине, прямо между лопаток, медленно стекает капля холодного пота. В призрачном, мертвенно-голубом сиянии дисплеев *Honeywell Primus Apex* его руки казались чужими, будто он все еще управлял аватаром в высокобюджетном симуляторе. Но тяжесть штурвала, специфический скрип кожи дорогой обивки и резкий, щиплющий ноздри запах авиационного антисептика и застарелого озона напоминали: это не сессия. Здесь нет кнопки «Пауза», и никто не вернет ему потраченные жизни.

Маленькая форточка – «штормовое окно» с левой стороны – была открыта. Сквозь нее в герметичную капсулу кабины просачивался ледяной балтийский туман и доносился хриплый, прокуренный голос Степаныча. Старик стоял на бетоне, придерживая тяжелую гарнитуру, подключенную к внешнему разъему связи под носовым обтекателем.

– Вадик, забудь всё, чему тебя учили в твоих игрушках, – голос Степаныча в наушниках звучал на удивление ровно, с той пугающей профессиональной отстраненностью, которая появляется у старых авиаторов в момент высшего риска. – Сейчас ты один на один с железом. Если зальешь камеру стгорания керосином раньше времени – получишь «факел». Движок сторит за пять секунд, лопатки стекут в поддон, и

мы даже из ангара не выкатимся. Мы просто превратимся в очень дорогой костер. Понял меня, хакер?

– Понял, Степаныч, – Вадим сглотнул, чувствуя, как в горле застрял сухой ком. – Начинаю цикл.

Он перевел взгляд на верхнюю панель управления. В симуляторе этот процесс занимал три клика мышкой и сопровождался приятным звуком из динамиков. Здесь каждый переключатель требовал физического усилия, каждый тумблер сопротивлялся, а щелчок отдавался в кончиках пальцев металлической отдачей.

– **Battery 1 & 2 – ON**, – Вадим щелкнул массивными переключателями. Дисплеи мигнули, и кабина наполнилась низким гулом охлаждающих вентиляторов. На экранах побежали строки системного теста. Вадим видел, как напряжение на шинах стабилизировалось.

– **Fuel Pumps – ON**. Где-то глубоко в недрах крыльев возникло тонкое, нарастающее жужжание. Электрические помпы начали нагнетать давление, проталкивая керосин через фильтры и магистрали к двигателю. На дисплее индикации параметров двигателя (EIS) две полосы давления топлива окрасились в спокойный зеленый цвет. Система была готова к кормлению зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.